

ЗЕМЛЯ БОГОВ

Здание действительно оказалось знакомым, теперь Антон его узнал, хотя никогда прежде ему не доводилось бывать в этой столовой. Раньше он частенько захаживал в соседнее здание, бывшее на виду, — в нем располагались редакции газет, в которых публиковали его рецензии и обзоры новых фильмов. Но это же сколько лет прошло... Кто бы мог подумать, что нелепый и трагический случай заставит его сюда вернуться.

Были у него еще некоторые сомнения, и только теперь, поднявшись на второй этаж и войдя в зал, Антон окончательно понял, в какую западню он попал. Можно было предположить, что придут многие, но в то, что соберутся все, об этом даже и думать не хотелось.

Он и на похороны-то пошел исключительно из-за Кристины, чтобы не оставлять ее одну. Галка была ее близкой подругой, и для Кристины поехать на кладби-

ше было делом само собой разумеющимся, согласно ее чувствам, — естественным душевным порывом и долгом. Для нее это не было навязанной обязанностью, это стало обязанностью для Антона; Галку он знал мало, безусловно, известие о ее неожиданной смерти его удивило, а сопроводить Кристину он взялся еще и потому, что не знал, кто придет на похороны, — нельзя сказать, что увидеться там с Зулусовым или Другановым, или той же Светой (про Веру даже и подумать невозможно) ничего бы ему не стоило. Вполне вероятно, одной Кристине, без него, было бы проще, в том смысле, что само горестное событие перевесит любые возможные неприятности и напоминания, но ему в любом случае — не очень-то ловко. Однако выбора у него не оставалось. Он должен быть на похоронах на всякий случай — защитить как бы, если вдруг что, хотя в то же время есть серьезный вариант оказаться сдвоенной мишенью для желающих поупражняться в меткости взглядов и шепота за спиной...

Тем не менее, Зулусов и Друганов на кладбище не появились. Вера тоже отсутствовала. Понятно, что каждый, вовлеченный в эту печальную историю, пытался угадать, с какой нежелательной персоной на траурном мероприятии ему, возможно, предстоит встретиться и как этого избежать. Зулусов вряд ли горел желанием увидеться с Кристиной, а Друганов — со Светой, но вот именно Света на похороны как раз пришла, отчего Антону, по понятной причине, сделалось неуютно. Он сразу поежился и поднял воротник куртки, даже вязаную шапку натянул почти на самые глаза, хотя было не холодно, а как раз наоборот — в воздухе потянуло теплом и уже снег начал сжиматься к весне. Антон еще и кашлянул для определения собственной устойчивости, а на деле для признания замешательства.

Да, неуютно. Перед Кристиной в первую очередь. По какой-то подлой любознательности и из такого же рода желания быть неприятным он не преминул бросить скорый, как бы случайный, взгляд на Свету (она стояла напротив, по другую сторону от гроба) и отметить ее серые глаза, а следом подумать, что у Кристины глаза серо-голубые, и обе они блондинки, — даже для его умственной сумятицы это было некстати и свидетельствовало о каком-то полоумном затмении, как если бы он их впервые в жизни увидел. Света на него вообще не взглянула, с Кристиной и словом не перемолвилась, только вздыхала, застыв у изголовья...

А в остальном все прошло чинно, в соответствии с ритуалом, в подавленном соболезновании. Тихо говорили о несчастном случае, нелепости, трагедии. Были родители Галки и две равнодушные соседки, школьные подруги и ее старшая сестра, приехавшая из Липецка вместе с сыном. Чета Приставкиных, Оля Беседина с Егором Коноваловым, даже Алла Альховская в темных очках. И неожиданный сюрприз, непонятно с каким знаком, — испарившийся, исчезнувший и посрамленный Игорь Истомин. Отсидевший виртуальный срок в американской тюрьме держался достойно и выглядел несправедливо оклеветанным. Так, наверное, и должно быть в данной ситуации. Он был тише всех, молчал глубже и холоднее и был похож на обособившуюся тень себя летнего образца. Значительнее всего он молчал в присутствии Аллы Альховской, и это как раз было понятно. Внимания он занял немного, но всего лишь нескольких минут хватило, чтобы заслужить ему прощения от всех знающих, в чем он отличился. И у самого края могилы Галки Обойдиной его так же молча простили.

Антон не знал, что Света пыталась уговорить и Веру, но Вера ей не

поддалась. О причине отказа догадаться несложно: все то же нежелание столкнуться с тем, с кем меньше всего хотелось бы встретиться, а Вера предполагала и даже была уверена, что Антон не пропустит похорон. Да и что бы она ему сказала при встрече — «последнее китайское спасибо»?

Тогда Антон и Кристина на поминки не остались, — еще не хватало сил на достоверность восприятия, тяжело было сидеть за общим столом и что-то есть, вытягивая руку за тарелкой, делиться скудными словами и, вздыхая, поднимать рюмку. Теперь девять дней, душа Галки встречается с Богом, но еще прежде она словно успеет разнести всем сообщение о своей смерти, оповестит всех без исключения о том, что поднимается в иные выси и соберет знавших ее вместе, невзирая на их предпочтения и расхождения, приязнь и антипатии.

Вместительный зал столовой, которая в былые времена обслуживала работников пера и полиграфии, был полон. Стало ясно, что Антон и Кристина опоздали. Изумлению Антона не было предела — у него даже холодок прошел по затылку. Людей было значительно больше, чем на похоронах. По какой-то, словно нарочитой, странности практически все места за вытянувшимися в две линии столами, упиравшимися в перекладную еще из трех столов, предназначавшихся для родных и близких покойной, были заняты. Собрались действительно все. Не хватало только двух человек. Галкина сестра, женщина с пронзительным взглядом черных глаз, крупная и деловитая, поднялась и усадила Антона с Кристиной с самого края, напротив Приставных, а рядом оказалась Света, что не могло, естественно, устроить Кристину. После небольшой заминки Антон сел между ними, думая, таким образом, отделить их друг от друга, но Кристина решила по-своему, поменявшись с ним местами, а больше уже и некуда было пересесть, к сожалению.

Впрочем, выяснилось, что Антон ошибался насчет «всех»: Веры в зале он не обнаружил. Уже полегче, если учесть все обстоятельства и не пропустить неожиданно прибавившихся Зулусова и Друганова — вот уж попробуй сообрази их появление... Прощеный Игорь Истомин сидел рядом с Аллой Альховской. За прошедшие дни выражение его лица несколько не изменилось, и Антон вдруг вспомнил о его теории «красивой смерти», о которой он услышал в изложении Веры на памятном дне рождения Зулусова. Интересно, что бы он сейчас сказал и как оценил смерть Галки? Это был ее выбор? Она что, ушла «красиво»? И может ли вообще смерть быть «красивой»? Для кого?

Но Истомин молчал. Его хоть и простили, но слова ему не давали. Да и что он мог бы сказать? Говорила сестра Галки, она была тут главной распорядительницей; несколько слов сказал опечаленный отец, и было заметно, что он и так не особый любитель говорить, а когда еще такое горе... он махнул рукой и сел. Галкины подруги вставали по очереди и вспоминали, какой она была в школе, во дворе, дома, как помогала и как помогали ей, как одна с ней ездила на зимних каникулах в Москву, а другая — на летних в Крым. Оказалось, что Галка неплохо рисовала, но об этом мало кто знал. Была музыкальна, начитана. Очень любила детей. Однажды спасла мальчика, едва не утонувшего в реке, а в третьем классе не побоялась взобраться на дерево, чтобы снять с него жалобно мяукающего котенка. Водились за ней и другие подвиги...

Мать Галки одобрительно кивала на эти речи. Она ела с большой охотой, ничего не пропуская, — кутю, оладьи, мед, пирожки, лапшу, котлеты, соленые помидоры и огурцы, рыбу, — и чему-то благостно улыба-

лась, глядявая на собравшихся за столами. При этом создавалось впечатление, что она все же до конца не слышит или не понимает, о чем говорится вокруг нее, а только догадывается. Она чувствовала и верила, что говорят хорошо, и была довольна.

Так бы все это и продолжалось дальше — выдержанно и размеренно, верным, достойным порядком, если бы с места не поднялся, слегка пошатнувшись, Максим Друганов. Удержался он благодаря рюмке с водкой, которую крепко держал в руке. Сказали уже достаточно до этой минуты, и всякий раз выпивали, поминая. Атмосфера в столовой сделалась оживленной и даже раскованной. Воспоминания вызывали улыбки собравшихся. Желающих отметить каждому своим словом хватало. И если Антону, в общем-то, сказать было нечего, то Кристина тоже собиралась выступить. Она уже и привстала было, желая произнести обязательные слова памяти, однако ее движение прервал сочный голос Зулусова: «Минуту внимания!» Беседа за столами стихла, и Зулусов жестом предложил Друганову говорить.

— Сегодня уже много говорили о том, какой была Галка, — начал он и сразу же замялся, пытаясь исправиться: — Да, конечно, Галя... Ну, мы ее называли Галкой... Она для нас была Галкой... — Друганов как бы обрел уверенность и заговорил свободнее, выказывая в голосе силу какого-то неясного чувства: — Всегда жизнерадостная, отзывчивая... Да, все новости от нее первой узнавали... — Друганов говорил несвязно, с пропусками, и дело представлялось таким образом, что это происходит от переизбытка его душевного волнения и близкого участия к судьбе покойной, а совсем не от того, что он просто перебрал со спиртными напитками.

Оля Беседина, сидевшая напротив Друганова, пришла в совершенное изумление от его речей. Она как бы наскоро загоралась изумлением по мере каждого услышанного ею слова — еще немного и вспыхнет.

Если ни у кого из присутствующих не было никаких сомнений в том, что Галку погубил несчастный случай, то она догадывалась, что в этой печальной истории что-то нечисто. Ну да, можно сетовать на роковое совпадение, стечение обстоятельств и халатность коммунальщиков или доверенных служб, но почему-то никому в голову не пришло себя спросить: а что она там делала, на Моисеева, в тот вечер, как там оказалась? Самое-то простое и оказалось самым странным во всем этом трагическом происшествии. Кто-то, правда, вспомнил, что где-то там поблизости, то ли у цирка, то ли на Краснознаменной, жила какая-то ее старая подруга, но подруги этой так никто и не увидел. А вот Оля Беседина точно знала, что в районе Депутатской живет Максим Друганов, и, конечно же, она помнила, чем закончился ее последний разговор с Галкой, как она не сумела убедить Галку в подлости Максима, и в каком смятении и расстройстве они тогда расстались. И вот теперь Оле Бесединой окончательно стало все ясно. Подозрения наконец-то оформились в безоговорочную уверенность.

Терпеть дальше это наглое безумство она уже не могла. Ее негодование тлело себе, тлело и вдруг вспыхнуло, прорвалось наружу.

— Как противно все это слушать! — прошептала Оля достаточно громко для того, чтобы ее услышали те, кто находился с ней рядом. — Просто кошмар!

Еще несколько таких восклицаний вполголоса и слушатели Друганова зашевелились. А Оля продолжила обличать — остановиться она уже не могла.

— Ну, до чего подлая морда!

Пришел черед и самому Друганову отвлечься на шевеление и внезапный ропот вокруг. Он еще успел сказать про «замечательного человека и затейницу, которой нам не будет хватать» и уже совершенно точно, под каким бы ни был градусом, услышал про себя:

— Прямо крокодиловы слезы льет!

Друганов говорил немного в сторону, адресуясь больше к родителям Галки, и вверх, закатывая глаза к некоему благодарному воображаемому слушателю, единственному, способному оценить его соболезнающий тон. И вот ему пришлось опустить глаза, повернуть свою «морду» и увидеть прямо перед собой милую и всегда такую открыто простодушную Олю Беседину, лицо которой в этот раз исказила гримаса ненависти.

Но он все же до конца как бы не поверил в то, что услышал и что это касается именно его, а потому даже с каким-то вызовом и внезапно обострившимся достоинством спросил:

— Оля, тебя что-то не устраивает?

— «Не устраивает!» — передразнила его она, вскочила и бросила к нему на тарелку скомканную бумажную салфетку, которой до этого вытирала губы, а после нервно мяла в руках. — А что меня может устраивать?

Друганов беспомощно огляделся по сторонам, ничего не понимая, — «может быть, мне кто-то разъяснит?» — и, глупо улыбаясь, спросил:

— Что-то случилось?

— Еще как случилось! — не выдержала Оля и выкрикнула: — Какая же ты скотина!

Это было уже слишком, прямо из ряда вон, из всех рамок... После секундного замешательства ропот возобновился, и уже слышались возгласы:

— Да что там такое?!

— А что произошло?

— Это она кому?

На Друганова выражение «скотина» произвело сильное впечатление, его так еще никто не обзывал, и он тут же отказался от какой-либо взвешенности и дипломатичности.

— Заткнулась бы ты, дура юродивая, — сказал он с изрядной долей брезгливости и зачем-то добавил, словно отрешившись от того состояния, в котором несомненно находился сам: — Напилась, что ли?

Оля в ответ схватила со стола рюмку с вином (а она пригубила немного кагора) и плеснула ему в лицо. (Антон в этот момент вздрогнул.) То есть она такое совершенно понятное всем движение рукой сделала, но так как между столами было расстояние, попытка ей не удалась, вино цели не достигло, а только забрызгало скатерть. Но и этого, впрочем, хватило для того, чтобы скандал не затих, а разгорелся с новой силой.

— Эй, ты, потише, смотри! — вынужден был предостеречь Друганова Егор Коновалов. Естественно, что он сидел рядом с Олей и был по обыкновению тих и спокоен, «не высывался»; сидел с ровной спиной, как бы прислушиваясь к чему-то внутри себя; очевидно, сказывалась профессиональная привычка, диджейский навык, и хотя наушников на его голове не было, создавалось такое впечатление, что они все равно у него есть, потому что без них его представить было невозможно.

— О-па! — развязно произнес Друганов. — Диджей долбаный проснулся!

— Чего? — очнулся, наконец, Егор, упраздняя незримые наушники, и приподнялся.

— Подлая, мерзкая рожа! — снова выступила Оля.

— Перестаньте! Что вы, в самом деле? — возмутилась Алла Альховская.

— Забыли, где находитесь? — поддержала ее Ира Приставкина.

Раздалось еще несколько возмущенных и протестующих голосов, однако Егора это не остановило. Он ловко перебрался через стол, смахнув на пол только одну тарелку, и ринулся душить Друганова.

Сестра Галки изумленно взвизгнула и принялась беспомощно повторять:

— Господа! Господа!..

И непонятно было, откуда вдруг вырвалось у нее это слово. Должно быть, в минуту опасности она решила, что только такое обращение может еще что-то спасти.

Разгорелась неловкая и нелепая драка, больше похожая на офисную борьбу двух повздоривших из-за ерунды клерков, — возня из-за исчерпанного свой ресурс картриджа или протекшего на брюки фломастера.

— Да остановите вы их! — крикнула Света.

— Вот идиоты! — выдохнул Паша Приставкин.

Антон хотел встать, чтобы как-то себя проявить, а не оставаться сторонним и безразличным наблюдателем, но Кристина крепко сжала его руку, и он повиновался ей. Она повернула к нему лицо, и он прочитал и увидел в нем все: мольбу, стыд, страх, отчаяние, раздражение, злость, сожаление и недоверие.

Галкина мать по-прежнему находилась в благодарном неведении насчет происходящего вокруг. Она продолжала есть, теперь уже скромно, не спеша, тщательно прожевывая пищу, а когда ее рассеянный взгляд случайно столкнулся с воспаленными глазами одной из школьных подружек Галки, она довольно ей улыбнулась. Отец же, как только началась эта заваруха, обхватил голову и, молча, невидящим взглядом уставился в стол.

Нашлись добровольцы на то, чтобы разнять соперников и прекратить безобразие. Галкин сосед, хороший приятель ее отца, зачем-то Алла Альховская и Паша Приставкин. Было много резких движений ногами и взмахов рук. Мешали стулья, стол, скатерть, тарелки... Алла Альховская на роль миротворца явно не годилась: она сразу получила по очкам, и даже непонятно было, кто это так здорово ей въехал. Она тут же сникла и отошла к окну, чтобы разобраться с остатками оправы. Досталось и Паше — ему локтем разбили губу. Он что-то промямлил, прикладывая ладонь ко рту, и сконфуженный вернулся на место.

Зулусов находился прямо в центре событий, но ему это нисколько не помешало. Он даже не встал. Он только приподнял руку в защитном жесте, поморщился и слегка отстранился, как будто рядом с ним бузили расшалившиеся подростки на пляже, и самое худшее, что с ним могло произойти, это если бы его обрызгали водой или обсыпали ненароком песком. А может быть, ему этот скандал вообще был в радость?! Во всяком случае, он в него не вмешивался. На Оле Бесединой уже повисли, ее крепко держали, потому что она тоже рвалась в бой и выкрикивала:

— Подонок! Ну, подонок же!

Ей пытались закрыть рот, а Зулусов протестовал против насилия. Он был за правду, какая она ни есть, ему было интересно, чем все это кончится.

— Да подождите вы! — не сдержался и он. — Пусть выговорится!

И Оля еще успела сказать, вернее, крикнуть страшное обвинение Друганову:

— Она из-за тебя погибла! Это ты ее убил!

Ее яростные слова прозвучали настолько неожиданно, что ее отпустили. Она сразу обмякла, бессильно опустила руки и села, заплакав. Противники теперь пыхтели у окна, разбросав стулья и пытаясь свернуть друг другу шею. Странно было, что довольно крепкий Друганов никак не одержит верх над уступающим ему по комплекции Егором, а Егор держится опытным и настырным бойцом — в таком качестве вряд ли прежде кто-нибудь смог бы его предположить.

— Это ты ее убил! — прозвучало еще раз, уже словно эхом.

И тут до них дошло. И они отпрянули — запыхались, устали, надоело им. Что еще? Но это только на первый взгляд так показалось — передышка и снова сцепились и завозились, чтобы уже привести самые последние доказательства своей правоты.

Один Игорь Истомин был по-прежнему непроницаем, разве что насутился немного. По всей видимости, ему назначили испытательный срок, и ему ни при каких обстоятельствах нельзя было ни во что вмешиваться.

— Полиция! — закричала вдруг сестра Галки. — Вызовите кто-нибудь полицию!

Из раздаточной, с открытой кухни, откуда доносились убедительные столовые запахи и где что-то готовилось, вдохновенно взволнованное паром, вышла толстая повариха с ножом в руке, а за ней появилась помощница, вытиравшая на ходу полотенцем руки. Вид у них был удивленный, даже ошеломленный: что тут за шум?

— Пожалуйста, позвоните в полицию! — с надрывом в голосе повторила сестра Галки.

И вдруг вся эта скандальная сцена опустела. Не стало шума и криков. Пора было и честь знать. Пора было прекращать делать глупости и уходить.

— Боже мой, какой позор! — сокрушалась сестра; ее, как могли, утешали.

Наконец, встала и Кристина, а вслед за ней послушно поднялся Антон; он не ожидал такого поворота событий и теперь не знал, что ему делать.

Уходили скомканно, с бесконечным чувством стыда. А им, Кристине и Антону, сидевшим на самом краю, это было проще всего сделать. Они избежали обмена взглядами с Зулусовым, Другановым и Светой. Они не знали, как им оправдаться перед родителями Галки. Они не знали, о чем им говорить с остальными. Они просто-напросто первыми сбежали отсюда, и Антон, оказавшись на улице, подумал: «Вере-то как повезло, она ничего этого не увидела».

Странное дело, даже немислимое, но оказалось, что смерть Галки его воодушевила. Антон вдруг задумался о таких вещах, о которых прежде никогда не думал. Все ведь может закончиться вот так неожиданно, в любую минуту, и непонятно по какой причине, словно ничего и не было, и тебя никогда не было и больше не будет. Так что же делать? Как быть? Дышать полной грудью, спешить жить каждый день, радоваться этому дню и любить. Быть в постоянном движении. Не ждать, а действовать. Видеть солнце, небо, облака, весь мир.

Жить надо сейчас — застучало сердце. Как это здорово, что мы есть! И мысли полетели в разные стороны с огромной скоростью — спешили найти верное пристанище, остановку, чтобы обновиться Антону до уверенного приятия себя в этом мире.

К марту Антон созрел для выбора: надо куда-нибудь уехать летом. Обязательно выехать отсюда на отдых. Съехать на какое-то время. Взять себе и Кристине отпуск от неопределенности и поднадоевших картинок повседневности, иначе они скиснут в этой рутине. Выбраться к разнообразию. Лучше всего, конечно, на море — самый беспроблемный вариант в выборе свежести ощущений.

Деньги есть — еще есть. А что там будет потом? Какая разница! Это ли главное? Поживем — увидим. Может быть, потом будет суп с котом. Но что-то же все равно изменится? Вечного ничего нет. «Копить у меня все равно не получится, — подумал Антон. — Я этого не умею. Я не мот и не скряга. Если получится жить и чувствовать себя свободным — уже здорово!»

Он шел по улице. Жженный воронежский воздух вызывал острое желание перемен. В уличном освещении вечерний мартовский туман слился и поблескивал мельчайшими слезинками, а еще прорывалось чувственное дыхание весны, пахло мокрыми ветками голых деревьев, обнажившейся землей, теплой городской булкой и круглосуточной аптекой.

И вдруг все сложилось, и он нашел ответ. Зевс, Гермес, Афродита, Персей... Памятные образы из книг, мечта детства. «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Афины, Акрополь, острова, море. Легенды и мифы, которые можно сделать реальностью. И что им может в этом помешать? Какая замечательная идея!

— Что нового? — спросил он за ужином на кухне; его распирало от желания немедленно поделиться с Кристиной своим открытием, но он решил приберечь его на «после».

— Ничего особенного, — ответила она. — Звонила Оля Беседина.

— Вот как? И что с ней случилось?

— Ничего с ней не случилось... Просто так. Поговорили о разном. Она замуж собирается.

— Да, это новость. За диджея, конечно же?

— За Егора. Решили пожениться.

— Давно пора.

Антон находился в приподнятом настроении. И даже оливки на столе. Он счел это добрым предзнаменованием.

Кристина замолчала.

— Ну и что Оля? — Он отвлекся, мысленно рисуя картину удачного путешествия: греческие амфоры, волны, набегающие на берег, номер в отеле обязательно с видом на море, до пляжа недалеко, все включено или?..

— С ней все в порядке, — вздохнула Кристина.

Пауза.

«И не надо ждать июля или августа, — решил Антон. — Уже в июне можно поехать, в мае еще рановато, наверно. Интересно, какая у них температура воды в начале июня?»

— Вот и хорошо, — рассеянно сказал он.

— Я тоже так думаю. — Она подошла к газовой плите, включила радио и вернулась с чайными чашками.

«Надо поискать в Интернете и бронирование обязательно — сегодня же! Еще оформление паспортов...»

— Что? — спросил он невольно.

— Я говорю, она так смешно рассказывала про соседскую собаку, — повторила Кристина. — Забавная история. — Она оживилась. — Как еще прикольно у нее это получалось...

— Да? И что же там смешного?

Он словно держал в руках невидимую газету и, будучи занятым чтением какой-то важной статьи, отхлебывал чай.

— У нее сосед в доме живет, одинокий пенсионер, а у него собака неопределенной породы — помесь какая-то, в общем, наполовину дворняга. Симпатичная такая, лохматая, как она рассказала, уши обвислые... И он с ней разговаривает, когда из квартиры выходит, а она его внимательно слушает на лестнице, — куда они вместе пойдут и зачем... Да, вспомнила, Бонька ее зовут! И вот они заходят в лифт, спускаются вниз и выходят на улицу. Гулять Бонька не очень-то любит, ей дома хорошо. А Леня, пенсионер этот, любитель за бутылочкой в магазин... Только Боньке это не по нраву. Сердится — твякнет несколько раз и морду в сторону отведет. Потом домой надо идти. У подъезда задержка: Бонька домой торопится, а хозяин не спешит. На лавочке присядет, очки свои ломаные-переломанные на переносице поправит, ему покурить и поболтать обязательно надо. Бонька снова недовольна, поглядывает на него тоскливо и ждет, когда дверь в подъезд откроется, чтобы войти. Потом еще у лифта ожидает, по лестнице подниматься не хочет. Найдется кто-то обязательно и впустит ее в лифт. И на кнопку нажмет, отправит наверх. А на своем этаже Бонька выйдет и ляжет на коврик перед квартирой, будет дожидаться, пока ее хозяин не накурится и не наговорится. И у Лени этого одно ухо почему-то в зеленке, и у Боньки тоже. А когда Леня болел, он выпускал Боньку на улицу одну, и та на лифте уезжала, а потом так же возвращалась, в дверь скреблась, — закончила Кристина.

Антон поднял голову и заметил, что у нее увлажнились глаза.

— Что с тобой?

— Ничего. — Она подушечками пальцев осторожно провела по векам. — Наверное, у меня не получается рассказать так, как это делает она.

— Какая ерунда, — не согласился он. — Все у тебя получилось. Уши в зеленке, собака в лифте.

— Не умею я...

— Господи, да что с тобой? — Антон взглянул в ее бледное лицо, взял за руку. — Кристина, что происходит?

— Не знаю, просто вспомнила про Галку...

Он придвинулся к ней, обнял.

— Ну, успокойся... Вот еще...

— Непонятно, когда такое случается...

— Это всем непонятно.

«Да, я прав, — подумал он, — надо обязательно куда-то уехать, иначе мы здесь с ума сойдем».

— Послушай, нам надо сменить обстановку, — сказал он и мог бы еще добавить: убежать от пересудов, лишних глаз, присутствия знакомых, но нежелательных лиц; он понимал, что ее гнетет неопределенность.

Кажется, она его не слышала. Он поцеловал ее.

— Пусть это будет отпуск, как это обычно и бывает. Летний отпуск. Мы поедем за границу.

— Куда?

— В Грецию, на море.

— Почему в Грецию?

— Потому. — Он обхватил ее лицо руками и поцеловал в нос. — Эта поездка нам поможет, нам там будет хорошо... Деньги у меня есть. — Себя в этом он уже убедил, осталось убедить ее. — Нам хватит. Недели две хотя бы. — Он бы уже и сейчас убежал, чтобы никого не видеть. — Ты только представь: мы вдвоем на море.

Она отстранилась, спросила:

— А что потом?

Серьезные глаза смотрели на него испытующе. Губы были влажными, дразнящими. Далось же ей это «потом»...

— Все будет хорошо. — Он должен был уговаривать ее как ребенка. Он снова ее поцеловал — в мокрые глаза, в эти влажные губы.

— Ну как я могу оставить ребенка одного?

— А как сейчас? Он же у бабушки? Ничего страшного не случится.

— Тебе легко говорить.

Она обиделась?

— Ну, подожди, подожди... Это же только две недели — совсем ничего! А по... — Антон загнулся: что ты — «потом» нельзя говорить. — И ведь это не сейчас, а летом. У нас еще много времени...

— Для чего?

— Господи, для чего... Да для всего, что хочешь. Я не знаю, можно познакомиться с твоим сыном...

— А ты этого хочешь?

— Ну да, — согласился он. — Пора уже, в самом деле. Сколько так может продолжаться? — Он ухватился за эту идею, понимая, что находится в нелепом положении, в каком-то подвешенном состоянии. — Конечно, мне надо показаться. Не буду же я так постоянно прятаться? Или мне придется оставаться загадочным невидимкой?

Он улыбнулся, стараясь обратить свои слова в шутку, и отчасти это ему удалось. Она тоже улыбнулась, но скорее машинально, принимая его старания за желание не расстраивать ее именно сейчас, а потом... Ах, снова это «потом» — как же оно расстраивает все планы и мешает жить!

— А ты не являешься для него загадочным невидимкой, — уточнила Кристина. — Он ничего о тебе не знает, и потому ты для него не существуешь. Никакой загадки нет.

— Да, но куда-то же ты уходишь от него? Разве он тебя не спрашивает?

— «На работу» — так это называется. И бабушка ему так же говорит.

— И он верит?

— Он еще ребенок.

— Ага, это вроде как бы такая игра. Ты рассказываешь ему сказку на ночь, он засыпает, ты уходишь «на работу», утром он просыпается, а тебя уже нет, ты теперь точно на работе, и он ни о чем не догадывается, я так излагаю?

— Примерно так.

— С этим надо что-то делать.

«Ну, конечно, он ни о чем не догадывается, как будто он новорожденный младенец, — не поверил ей Антон. — А папа где? Неужели тоже не спрашивает?»

Но о Зулусове ему думать не хотелось. Он еще не знал, начал ли тот действовать и как будет действовать. Кристина видела Зулусова на поминках Галки, и у нее, понятное дело, были свои соображения насчет его

неожиданного появления. Во всяком случае, отягивать знакомство с сыном Кристины Антону больше нельзя. Его решимость была вынужденной, основанной на желании успокоить ее, стать ближе; заглядывать дальше, рассчитывать какой-то срок — на это он не был готов.

Можно было сразу предположить, что ничего путного из этой затеи не выйдет. Однако без хотя бы малой надежды на успех никакое дело не делается. Намерения у Антона и Кристины были самые добрые, ожидания — почти радужные, вернее, это она себе хотела что-то доказать, не забывая еще при этом отомстить Зулусову. Сыграл свою роль и выбор места встречи Антона с Андреем. Собственно, у бабушки, там, где Андрей находился, Антону ни при каких обстоятельствах появиться было нельзя. В качестве кого? Мать Кристины подобного визита не допустила бы. Ну а если обойтись без обострения отношений... Как бы случайно столкнуться на улице? Это вообще ни о чем не говорит. Пустая примерка. И сколько еще таких «примерок» надо совершить, чтобы добиться положительного результата? Нет-нет, отпадает.

Только и остается Кристине с сыном прийти в гости к дяде Антону. Она нажимала на кнопки домофона, хотя могла сама открыть дверь. — Мама, а куда мы идем? — снова спросил Андрей, непослушно чиркая носом ботинка по асфальту.

— Я же тебе сказала: в гости.

— А к кому?

— Сейчас увидишь.

Пискнул сигнал, и они вошли в подъезд.

Антон наготове стоял в коридоре.

— А вот и мы! — возвестила Кристина.

— Здравствуйтесь, здравствуйтесь! — Для Антона главным было держать непринужденный тон.

— Ну, поздоровайся с дядей Антоном! — призвала сына Кристина, дергая его за руку.

Андрей насупился и убрал свободную руку за спину.

— Вот ты какой упрямый... — вздохнула она. — Скажи: «Здравствуйтесь!»

Молчание.

— Ну, что с нами поделаешь, дядя Антон! — Ей осталось только улыбнуться. — Мы как упрямся, попробуй нас заставить.

— Да ничего страшного, проходите...

Андрей прятался за Кристиной, а когда она усадила его на диван, уставился в пол.

— Ну, как вы тут поживаете, рассказывайте! — неожиданно напевным голосом поинтересовалась Кристина. Антон подобного вступления не ожидал и удивился: «Это что еще за песня?»; впрочем, деталей предстоящей встречи они не обговаривали. Наверное, надо было подыграть ей в тон, но у него не очень-то получилось.

— Нормально поживаем, — как-то вяло ответил Антон, зато оживился Андрей.

— Мама, а почему ты поешь? — спросил он, улыбаясь.

— Я пою? — удивилась она.

— Да, только сейчас спела. Так смешно было.

«А он все понимает, — подумал Антон, — и с характером к тому же».

— Не придумывай, — отмахнулась Кристина и пояснила Антону: — Он у нас большо-о-ой выдумщик.

— Опять поешь! — засмеялся Андрей и, ухватившись за колени, откинулся на спинку дивана.

— Ах, Андрей, — сказала Кристина и притворно покачала головой: — Разве можно так вести себя в гостях?

— Почему бы и нет? — заметил Антон, придя ей на помощь, и предложил: — Мороженое будем?

— Только этого нам не хватало, — глядя на него с укоризной, сказала она. — Недавно простуда была, — опять болеть?

— Мороженое! — громким шепотом повторил Андрей.

— Никакого мороженого! — строго сказала Кристина. — Отменяется.

— Что же тогда мне вам предложить? — почесал затылок Антон. — Есть конфеты, пирожное.

— Это можно, — согласилась она. — Чай мы будем.

На кухне оживление затихло. Молча пили чай, Кристина помогала сыну управиться с пирожным, и только один раз, в самом начале, он сказал, отодвинув чашку: «Горячий», а Антон, сам неожиданно почувствовав себя в гостях, смущенно покашливал, когда Кристина открывала холодильник или доставала из шкафчика ложечки. Ему вдруг представилось в какой-то момент, что он должен встать и откланяться: «Ну что же, все было замечательно, но мне, к сожалению, пора». А еще он вспомнил, поглядывая на маленького Андрея, что у него есть взрослый сын, с которым он не мог нормально поговорить и объяснить, и теперь ему надо подлаживаясь под новую историю и новые обстоятельства, и все это так запутанно, сложно и неизвестно, чем закончится. В нем и так, в обычной налаженной жизни, хватало энтузиазма на час, не больше, а в этом зыбком положении его оказалось еще меньше.

Ребенок снова замолчал — по крайней мере, для Антона, — не поднимал головы, прятал глаза, совсем тихо мог что-то сказать Кристине, так что ей приходилось склоняться над ним и так же тихо, секретным образом, отвечать. И это было удивительно и странно: обычно дети стесняются и конфузятся в самом начале, а потом привыкают к незнакомой обстановке и становятся смелее. Но и Кристина словно забыла об Антоне, поддавшись настроению ребенка и сосредоточившись исключительно на нем, — как бы и ей что-то свое вдруг пришло в голову и заставило измениться. Завозились, завозились и потеряли дядю Антона... Они непредумышленно обособлялись в единое целое. Они существовали вдвоем, мать и сын, а он был отдельно — и тут уж ничего не поделаешь.

Его непризнание состоялось.

Антон забронировал тур на Крит на самое начало июня и почувствовал себя значительным человеком. Параметры бегства его устраивали: две недели у моря, апартаменты с лоджией, до пляжа чуть больше ста метров. В этой поездке он надеялся расстаться с прошлым и внедриться в новую жизнь со свежими идеями.

В апреле он помирился с матерью. Во всяком случае, она приняла его у себя дома. Немного ворчала, так и не смирившись с переменами в его жизни, но общалась, а это уже многое. Она почему-то была убеждена, что «эта любовь» не надолго, и Антон это чувствовал по ее отношению к нему — проскальзывали едкие нотки в ее речах по любому поводу. Разубеждать ее он не собирался, вообще больше не хотел с ней спорить — нес свое бремя стойко, потому что его согревала самая близкая цель: Греция. И никакие придирки, обвинения или нападки не способны были его задеть.

— А ты похудел, — сказала ему мать. — Или мне так кажется?
— Не знаю. — Он пожал плечами. — Мне кажется, я в одной поре.
— Кажется ему... Она тебя не кормит, что ли?

Он застыл с приподнятой ложкой над супом. Ладно, эту шпильку можно пропустить. Осталось немного.

— Господи... — вздохнула она; хотела сказать «и в кого ты такой...», но сдержалась. — С Юлей больше не созванивался?

— Нет.

«Я прекрасно понимаю, куда ты клонишь», — подумал он.

— Когда ума нет, что ни делай, все бесполезно.

Он отодвинул тарелку — семейная трапеза закончена.

— Да-а, придумал ты себе...

Нет, это не кончится никогда. Он засвистел — демонстрация равнодушия и беззаботного поведения.

— Не свисти в доме! — одернула она его.

Ну да, вечная история безопасности: три раза через левое плечо, через порог нельзя, если черный кот дорогу перейдет...

— А как же иначе, — усмехнулась она, оглядев его довольное лицо, — серединка съята, и краешки заиграли!

— Мы в Грецию собираемся ехать, — признался он.

— Начал сорить деньгами... На машине приехал — это мне еще понятно. А как деньги закончатся, что будешь делать, путешественник?

— То же, что и все... будем жить.

— Это ты сейчас так говоришь... Странно, что у тебя не закончилась эйфория.

— Какая эйфория?

— Нет, я уже сейчас с трудом это выношу, надолго меня не хватит... Куда поедете и когда?

— Летом, в Грецию.

— Вырастила я Одиссея...

Он ничего не ответил и подошел к окну. Лысая, притоптанная земля во дворе никак не выпускала наружу траву. Два тоненьких деревца, опущенные нежной зеленью, пробивались к свету робкой желтизной. Плывающие по небу облака выглядели идеальными произведениями античного искусства — словно эхом белоснежных мраморных изваяний; экспозиция величия и вечности.

Аркадий Зулусов проявил себя в мае. Позвонил Кристине и заявил, что хочет увидеться с сыном. Она ему отказала. Он не отступился и попытался действовать через бабушку, мать Кристины, взывая к ее чувствам. Она бы, скорее всего, сдалась, проявив естественную человеческую слабость, но снова вмешалась Кристина: она как раз находилась в доме в Чертовичком и не пустила Зулусова за ворота. Первая атака была отбита, однако вечно держать оборону все равно бы не получилось: родители Андрея пока что не разведены, у отца, по крайней мере, есть право видеться с сыном.

В местных газетах появились сообщения о том, что известный столичный театральный режиссер Аркадий Зулусов собирается порадовать «любителей Мельпомены» новой постановкой, и самое деятельное участие в этом принимает Павел Приставкин, предоставляя ему сцену. В планах у Зулусова что-нибудь из классического репертуара: это может быть и комедия Островского, и какая-нибудь древнегреческая трагедия; он боль-

ше склоняется к Софоклу — либо «Антигона», либо «Электра», но точно еще не определился...

Все остальные после смерти Галки и ее скандальных поминок как-то притихли. Произошло разобщение — эффект оказался слишком сильным. Обнаружилось вдруг, что Галки Обойдиной, как главного звена в цепи общения, не хватает, выпало одно звено, и застопорилась, рассыпалась вся цепь, — ведь именно она всех тормозила, будоражила и соединяла, разносила новости и сплетни.

Слухи о готовящейся свадьбе Оли Бесединой и Егора Коновалова подтвердились. Последний вообще как-то неожиданно вырос и стал первым номером в разговорах: что называется, «показал себя», проявил силу, выбрался из тени на свет. Как бы подразумевалось, что его стычка на поминках с Другановым помогла ему обрести уверенность и осознать себя с благоприятными для Оли Бесединой последствиями.

Максим Друганов куда-то пропал, и это для него было лучшим выходом в сложившейся ситуации. Ирина Приставкина как-то обронила, что он уехал на Урал по каким-то делам, но в это почему-то мало кто поверил. Что ему там делать, на Урале, так далеко? Отсидживается где-нибудь в пределах области, зализывает раны и переживает свое поражение. Ему ведь должно быть стыдно, на нем вина вон какая висит, и сколько же времени должно пройти, чтобы все сгладилось и забылось?

Алла Альховская, как приговоренная, продолжала «дружить» с Игорем Истоминым. Они теперь оба были пострадавшими; им как бы деваться было некуда — хотели бы разбежаться, но не было для этого воли, искры действительного неприятия, противоборства и поступка, и так вяло, на некотором удалении друг от друга они держались, чтобы уж совсем не потеряться. У нее заострились черты лица, провалились глаза; она много курила, прибавилось хрипотцы в ее голосе, что только усиливало впечатление от каких-то перенесенных в прошлом лишений. Вообще стала меньше говорить, утратила привычку выглядеть значительной, а если что и говорила, то исключительно о не имеющих ни к ней, ни к тем, кто рядом, вещах, по сути дела, «фантомах»: ушедших «звездах» Голливуда, особенностях испанской кухни, повадках диких животных или сложностях жизни для европейца в Японии.

Игорь Истомин и прежде слыл молчуном, теперь же из этой его особенности исчезла внушительность, он совсем лишился строгости; молчал заурядно, потому что ему нечего было сказать в свое оправдание, да и просто потому, что совсем нечего было сказать. В некое утешение себе он стал покашливать, но не многозначительно, а осторожно, как бы на всякий случай, для уверенности, да и как тут было не закашлять, если сразу после майских праздников его сократили и он потерял работу.

Вера, благодаря Свете, была посвящена во все обстоятельства Галкиной смерти и последующей безобразной истории на поминках. Она даже хотела ей сказать: «А я так и думала, что все этим закончится! Вот была уверена!» Но все же ее предостережение и связанные с ним предосторожности относились к Антону и Кристине. Как бы она могла скорбеть о Галке в их присутствии? Надо было стараться их не замечать — так, что ли? Держать спину, быть ровной еще и к взглядам, направленным на нее, желающих утолить свое дружеское любопытство — «будут при нас разбираться или нет?» — быть независимой от их суждений. Она этого избежала, вышла из игры, и единственной ее связью с кругом общения Антона, в котором она при нынешних обстоятельствах почувство-

вала бы себя неуютно и даже чужой, оставалась Света. Но Свету тоже можно было употреблять только в самых малых дозах, опасаясь отравления, и Вера строго следовала установленному ей же правилу: поменьше, поменьше, стремясь к сокращению контактов. Однако в силу природной деликатности у нее это плохо получалось — ну не могла она быть прямой и резкой!

Май прошел теплыми дождями и красивыми, монументальными грозами с оглушительными разрядами и ворчливым рокотом по дальним пределам. Антону и Кристине пора было собираться за отъездом. Он ждал этого дня с нетерпением, она следовала за ним с занозой в мыслях: сын остается с бабушкой, вроде бы под присмотром, но без нее.

Самолет вылетал рано утром, в пять часов, такси заказали на половину второго. В коридоре присели на дорожку, так что Кристине пришлось вынести из кухни две табуретки, — Антон предложил. Он вообще вдруг испытал приступ ответственности: все похлопывал себя по карманам, проверяя, на месте ли документы и деньги, открывал молнию чемодана, перебирая вещи, — не забыли ли еще чего, самого главного, спрашивал Кристину о разных мелочах, без которых отдых, по его мнению, может оказаться под угрозой... Одним словом, «немного нервничал».

Но все было на месте, ничего для себя нужного не пропустили, в аэропорт не опоздали, регистрацию прошли без проволочек... Путешествие для Антона началось уже от подъезда, как только он закрыл за собой дверь. Ночь сдержанно дышала прохладой и тишиной, дождя не предвиделось; именно такой и должна быть ночь для исполнения важных решений. Во дворе никого не было, машины соседей спали, и лишь одна тихонько урчала и светилась ожиданием. Радио в дороге исполняло песню «Wonderful Life», и от одного этого уже становилось хорошо на душе, с таким сопровождением можно было поверить в близкое и обязательное устройство «замечательной жизни», а еще было хорошо от того, что не надо ехать в Москву, для того чтобы вылететь в Грецию, — никаких неудобств, старт дает Воронеж!

Уже рассвело, когда их «Боинг» оторвался от взлетной полосы. Город заваливался на бок и отворачивался от них в сторону, а вместе с ним оставались позади все неразрешенные проблемы. Антон счастливо выдохнул, найдя спине удобное положение, а Кристина склонила голову ему на плечо. Набор высоты, упрямая работа двигателей. Антон закрыл глаза: даже не верится — каких-нибудь три часа, и мы на Крите! Кристина положила свою руку на его, и он ощутил ее холодную, почти ледяную ладонь.

— Тебе холодно?

— Замерзла немного.

Стюардесса в проходе поправляла багаж на верхней полке. Антон поднял руку.

— Пожалуйста, можно плед?

На нем легкая куртка, плотная футболка. Кристина одета значительно теплее, на ней даже свитер.

— Ага, вот спасибо!.. Сейчас согреешься. Ну как?

— Уже лучше.

Она укрыла ноги, подтянула свитер до подбородка. «Ей бы клубочком свернуться», — подумал Антон. Он был уверен, что у нее холодный нос. Ничего, это в самолете так, на высоте сколько-то там тысяч метров

над уровнем моря. В море будет тепло, на Крите будет жарко, — он смотрел прогноз погоды.

— Будешь спать?

— Постараюсь.

«А у меня если только подремать получится, — проваливался в грезы Антон. — Никогда не мог заснуть ни в поездах, ни в автобусах». Он сидел у окна, но в иллюминаторе все равно ничего не было видно — почему-то стало темно, только мигал огонек маячка на крыле. Это успокаивало. Под крылом самолета о чем-то поет... Тучи? Грозовой фронт? «Голос возвысив, ему отвечал Евмех хитроумный...» Какой-то обман зрения. В салоне все спали. Рука согрелась. По-моему, плед колючий. Мне плед не нужен, обойдусь. Видел бы меня сейчас Геннадий Семенович — что бы он сказал? У стюардессы улыбка искусственная. А как ей улыбаться иначе? Она на работе, это ее прямая обязанность. Доброжелательная, а плед колючий. Для женщины главное не то, что она есть на самом деле, а то, что о ней подумают. Для мужчины все ровно наоборот. Вот диджей оказался мужиком! Отважный. А казался каким-то слюнтяем в наушниках. Я бы так не смог. Как он ему в морду въехал! Равномерно мигает, не частит. «Огонь искусствам всяческим научит их». Норма. А как же — все включено. Про грозу ничего не объявляли. Когда поедет тележка с едой — или не поедет? Пенсионер-индиго пил чай с полоской. Ну да, так сам и сказал: «чай с полоской». Слово-то какое смешное — «полоска». Откуда он его выкопал? Вроде плоского, немного рыхлого пряника. А вот кофе вполне можно было бы, и Кристина бы не отказалась, но она спит, она согрелась, ей хорошо со мной, я это знаю. It's a wonderful, wonderful life. Великий режиссер современности, «медношлемный» Зулусов может прикоснуться к древнегреческой трагедии, и сразу тебе Софокл, без шуток. Будет выкалывать глаза, подсыпать в вино яд, пронзять тела мечами, метать молнии, интриговать. Мифический грозовой фронт. «Лилейнораменная Гера». Если бы Галка могла все это видеть...

Внезапно дали свет — солнце острым лезвием полоснуло по иллюминатору и обожгло глаза. Поехала тележка с напитками в проходе. Щурясь, Антон, наконец, очнулся и приник к окну. В просветах белых облаков внизу стали видны острова — гряды камней на блестящей поверхности моря. Их было так много, что яркая картина причудливых россыпей казалась нереальной. Сияющее свидание неба и земли. Хозяйство лучезарного Феба. Это была земля богов. Все представления Антона о Греции воплощались в зримых образах. Посейдон, Антей, Одиссей, Ариадна, Перикл, Аристотель, Аристофан... Кто там еще? Совсем скоро он ступит на эту землю.

Кристина потянулась и прильнула к Антону.

— Ты видишь?

Ей передалось его восхищение.

— Вижу.

Стюардесса с тележкой остановилась рядом с ними.

— Что вы будете: чай, кофе, сок?

— Мы будем все, — улыбнулся Антон.

Островов прибавлялось, стали видны барашки волн и лодки. Слепительный блеск моря игриво бежал впереди самолета. Приблизилась кромка скалистого берега — волны набегали на песчаные пляжи с человеческими фигурками. Потом линия побережья вытянулась, наклонилась и исчезла из вида. Показались горы и дорога с автомобилями. Стало жарко

и душно. На снижении усилился свист, заложило уши. Автомобили увелились в размере, теперь они не ползли улитками, а мчались. Но самолет мчался еще быстрее. С моря он грузно запрыгнул на обрывистый край суши и тут же довольно заревел от благодарных аплодисментов пассажиров. Аэропорт «Никос Казандзакис». Впереди их ждал Ираклион.

Глава двадцать вторая

ГРУСТНАЯ ПОВЕСТЬ О КАБАНЕ-ПАРАЗИТЕ

Номер на третьем этаже состоял из двух комнат. С балкона открывался вид на море, а перед ним были пологие склоны в оливковых деревьях, еще какие-то скромные и голые сельскохозяйственные угодья и приятные на вид белые дома, покрытые коричнево-красной черепицей. Справа поднималась извилистая дорога, море блестело на солнце. Сразу сзади отеля оставались следы недоконченной стройки: бетонная площадка, утыканная иглами арматуры; а дальше тянулись и поднимались в горы другие отельчики, пестрая картина дополнялась голубыми пятнами бассейнов, причудливыми пальмами, кактусами и живой изгородью кустарника. Над горами постоянно висела дымка, которая менялась в зависимости от настроения погоды: она то курилась легкой белой ватой, то обособленно от солнечного света хмурилась, собираясь в предгрозовую тучку, но эти мелкие угрозы ничем не заканчивались.

Уже на летном поле Антон вдохнул совершенно другой воздух, отличный от пыльного домашнего. Солнце над головой жарило немилосердно — и это с утра. Антон зажмурился, истекая слезами, а Кристина спрятала глаза за темными стеклами очков. Свои очки Антон, не подумав, спрятал в багаже. И бейсболку надо обязательно купить, подумал он, или какую-нибудь шляпу.

В автобусе от турфирмы, который должен был развезти пассажиров по разным отелям, было прохладно. Кристина даже и замерзла минут через пятнадцать, — пришлось ей снова надевать куртку. Ехали по живописной дороге: справа море, слева горы. Автобус по пути останавливался, высаживая людей. После Ретимно людей в салоне значительно поубавилось, а потом и вовсе остались Антон с Кристиной и еще одна пара. Так они вместе последними вышли из автобуса. Катили свои чемоданы на колесиках к входу в корпус, ждали заселения у стойки администрации, разговорились и тут же познакомились.

Муж и жена, Федя и Тамара, тоже на две недели. На вид они были постарше Антона, обоим, несомненно, за сорок лет. У него простоватое, немного рябое, открытое лицо, курносый нос, прищуренные глаза — выражение как бы некоторой досады или ожидания немедленных действий, но без «фанатизма». Плотный, среднего роста, в распахнутой желтоватой рубашке с короткими рукавами и с кармашком на груди, сразу в ярких бермудах из джунглей и шлепках на рифоватых ногах, звонко щелкающих при ходьбе по пяткам. Она в теле, с довеском в шее, укрепившем сзади голову на круглых плечах; короткие черные волосы, большие глаза, тесное белое платье, расписанное красными ягодами и цветами; держит себя немного наклоняясь вперед, что придает ее широкому и приветливому лицу еще и оттенок искренной любознательности.

— Вы нам очень понравились, — заявила она после того, как их ожидание в холле закончилось и им наконец-то выдали ключи (уборка номе-

ров, заседание после двенадцати). — Мы будем обязательно вас держаться, вместе интереснее. Вы в каком номере? А корпус какой?

Меньше всего Антону и Кристине хотелось с кем-то общаться, не за этим они прилетели в Грецию. Хотелось тишины и покоя по мановению волшебной палочки или хотя бы в соответствии со своими желаниями, а не предпочтениями еще кого-то. Быть в коллективе, в группе, ходить стадом — к этому они совершенно не были готовы. Им хотелось побыть наедине друг с другом, взяв в свидетели только море и горы.

Им повезло, удача была на их стороне: корпуса разные и не рядом, а надо еще пройтись, если что, не Антону и Кристине, разумеется. Время завтрака давно миновало, и в ожидании обеда можно было размяться кофе с «кейками» в баре — прямо рядом с бассейном, в котором лениво плескались две коричневые фигуры, еще несколько человек полулежали в шезлонгах в тени. Здесь, под фикусами, было прохладно, и звонко стрекотали цикады.

Обед проходил на крытом деревянном помосте — внушительном, похожем на разъехавшуюся по сторонам веранду. Федю с Тамарой никак нельзя было избежать, — они уже сидели за столом и махали им руками. Рядом с ними сидела незнакомая девушка. Антон и Кристина появились к окончанию разговора. До них донеслись ее слова о «легендарной критской кошке, которую никто не видел». У девушки было узкое лицо и прямые длинные волосы на пробор. Должно быть, она нервничала; это можно понять по тому, как она сводила и разводила ноги, закрытые свободной юбкой почти до щиколоток. Девушка была босиком. Как только Антон с Кристиной приблизились к столу, она неожиданно замолчала и, не глядя на них, встала и ушла.

— Еще не начали, — радостно возвестила Тамара, — вас ждем!

— Тут, оказывается, два пляжа, — сообщил Федя. — Один песчаный — это прямо напротив, и галечный, если направо по дороге пойти.

— Галечный небольшой, уютный, — добавила Тамара. — Народу, говорят, мало.

— Только, чтобы в воду войти, резиновые тапки нужны, — пояснил Федя. — Без них ноги об камни собьешь или на морского ежа наступишь, а тогда не до отдыха будет...

— У него же иглы! — округлила свои и без того большие глаза Тамара.

— Зачем же тогда туда идти? — улыбнулась Кристина.

— Лучше песчаный пляж, — сказал Антон. — Зачем напрягаться? Тапки, еще морской еж...

— Тапки здесь можно купить, — серьезно заметила Тамара.

— Не сомневаюсь, — сказал Антон, а Кристина подтвердила: — В Греции все есть!

— Можно и без тапок, — прокашлялся Федя, оглядываясь по сторонам. — Интересно, здесь курить разрешается?

— Вот же пепельница на столе, — указала рукой Тамара.

— Значит, разрешается... — выдохнул он. — Так вот я и говорю: без тапок можно.

— Зачем же без них? — удивилась она.

— Как зачем? Если наступишь, например, на морского ежа и одновременно увидишь легендарную критскую кошку, которую никто никогда в жизни не видел, то сразу сбудутся все твои желания и будет тебе счастье. Вот откуда, кстати, появилось выражение «ешкин кот», — сказал он и громко захохотал.

Тамара засветилась тихим удовольствием.

После обеда решили встретиться на песчаном пляже; отказаться Антону с Кристиной не было никакой возможности, очень уж хотелось Тамаре образовать компанию. Она уже и командовала немного, взялась за это дело мягко, с неизменной улыбкой: «Полчаса на сборы вам хватит?» Понятно было, что она не отстанет, но у Антона с Кристиной получилось увильнуть. Вовсе не идти на пляж было глупо: не для того же они приехали на Крит, чтобы прятаться в номере? Собрались через час — для первого выхода к морю действовали не спеша.

До пляжа было заявлено чуть больше ста метров, и по карте, если по прямой, так и выходило. В действительности, напрямую пройти никак бы не случилось. В баре у бассейна Антон выпил пива, Кристина в соседнем магазинчике купила бутылку воды, а он бейсболку. Солнце пекло с беспощадной неумолимостью. Дорога свернула налево, а потом направо: у ярких цветочных кустов снова магазинчик. Как не зайти, чтобы полюбопытствовать? Футболка — Антону, чтобы потом представить доказательство его пребывания в Греции, Кристине — парео для пляжа; вещи все нужные. И сувенирные кружки приглядели, чтобы на обратном пути купить. А дальше супермаркет, и кафе разные открытые с музыкой, и зазывала в руки листовку сует: «Тропикана» приглашает вечером на программу с живым исполнением песен. И тут же пространство раздвинулось, расступилось, и открылось море в своей свободной широте — с шумом набегающих волн и ветра, посвистом в ушах, с трепетом узнавания в сердце и флага на пляже; именно так все и представлялось и иначе быть не могло.

— Ну, куда дальше? — спросил Антон, озираясь по сторонам.

— Может быть, налево? — неуверенно предложила Кристина.

Они все ждали, что кто-то их окликнет, взмахнет приветствующей рукой, да что там «кто-то», конечно же, Тамара выкрикнет зычное «эй!» и укажет на свое присутствие. Но пляж был очень большой, он тянулся вдоль береговой линии далеко налево и направо, насколько хватало глаз, обрываясь только выступами гор; собственно, это была череда разных пляжей, переходящих один в другой, а Антон и Кристина стояли как бы по центру. Наскоро оглядывая людей вокруг, они ни в ком не признали знакомую им пару. Продолжать просто так стоять было бессмысленно и опасно. Их не признали, они себя не обнаружили, можно спокойно отдыхать.

— Что-то мне подсказывает, что нам направо, — наконец сказал Антон.

— Направо так направо, — согласилась Кристина.

Они прошли совсем немного и решили остановиться. Людей на этом пляже было мало — много свободных лежаков под сине-белыми зонтиками, выбирай, какой хочешь.

— Как хочется поближе к воде! — сказала Кристина.

— А мне наоборот, подальше, — сказал Антон. — Будут там мимо тебя ходить, перед глазами маячить.

Выбрали «золотую середину». Им никто не мешал, они были свободны. Морской ветер подергивал матерчатые края зонтиков. Антон откинулся на лежаке и сквозь затемненные стекла очков изучал контрастную картину пляжной жизни.

— Пойдем? — Кристина легко освободилась от одежды, ее купальник был похож на невинную и изящную проделку маэстро минимализма, а вся

ее фигура на произведении искусства, созданное каким-то непостижимым и самым естественным образом.

— Я потом, привыкну немного.

— Как знаешь.

Она повернулась и пошла к морю. Волосы забраны кверху, легкий наклон головы обнажал шею до нежного признания в совершенстве; плечи приподняты, голубой пластиковый браслет от отеля на левом запястье, острые локти немного отведенных назад рук дразнят, талия хранит тепло прикосновений (ах, эти тесемки!), с ней солидарны бедра и длинные ноги, которые помнят каждый шаг жарких ночей, а теперь их обжигает горячий песок. Кристина с непривычки отдергивает ноги, а потом доходит до мокрой полосы и оказывается во власти волн.

Антон закрыл глаза и увидел радужные круги: солнце расчетливо над ним издевалось, он был полностью в его власти. На какое-то мгновение ему вдруг показалось, что он ее совершенно не знает. Перед ним была незнакомая девушка. Он прежде не видел ее поднятых рук и других движений со стороны. Все было словно впервые и выглядело очень странно. Вот она промелькнула и исчезла в море. Она ему не принадлежит, ее не различить среди других тел и голов, шляп, панамок и надувных матрасов. А он прячется под зонтиком, боится обгореть... Палило оголтелое солнце, соленый ветерок обдавал свежестью. «А ведь я ее совсем не знаю. Я даже не знаю, кто я». Мысли куда-то растекались и исчезали. Хотелось все забыть и начать заново. Уехать еще куда-нибудь подальше, где бы тебя совсем никто не знал, и родиться там другим человеком — с новым именем и биографией, уверенностью в себе. И чтобы этот ветерок в ушах и шум накатывающих волн никогда не прекращались...

Он очнулся, когда вспомнил, что взял с собой в дорогу книгу. Свежий детектив под названием «Ночной хоккеист» значился в лидерах продаж. В нем рассказывалось о закулисных кремлевских интригах, издательство обещало увлекательное чтение. Едва Антон прочел несколько страниц, как вздрогнул от пролившейся на его горячее тело воды. Это Кристина стряхивала на него капли, вытираясь полотенцем. Она учащенно дышала и была оживлена.

— Ах ты, лежебока! За этим ты сюда приехал? Такое впечатление, что ты в пальто лежишь. Не жарко?

Неправда: бейсболка, очки, только футболку он не снял, поостерегся.

Антон закрыл книгу и отложил ее в сторону.

— Как вода?

— Вода — класс!

Он вздохнул и выбрался из тени. Раскаленный песок обжигал пятки. Высоко в небе пассажирский лайнер вычерчивал линию полета к безмятежному отдыху. Далеко в море лодки покачивались на волнах, катер промчался с пенным следом. Мечту не надо никак называть, надо держать ее имя в тайне.

Ощущая свою неловкость и угловатость, Антон направился к воде. Он вдруг почувствовал себя большим и тяжелым животным, испытывавшим провал в сонное состояние. И вот его потыкали палкой, оно очухалось и поплелось освежиться.

Антон еще какое-то время примеривался к колыханью моря. Оно дышало приглашением, облизывало ноги. А он не спешил: вот еще до колена, вот уже по колено, постою, потом продвинемся дальше... Он

оглянулся и нашел взглядом Кристину. Она лежала ровно, на спине, темные очки, шляпа, и принимала солнечные ванны. И в это время бойкая волна ударила его, он покачнулся и погрузился в воду.

Он с каким-то остервенением поплыл, сделал несколько гребков, потом успокоился, отфыркался и расслабился — все определилось. Море прекрасно потому, что есть берег.

За ужином впервые попробовали мусаку — Антону с Кристиной понравилось. За столиками расположились не только русские. По обрывочным фразам Антон определил еще и немцев, англичан и поляков. Русских женщин можно было сразу опознать по пестрым халатам и тарелкам в обеих руках, заполненным арбузными ломтями. Наверное, никто так в мире не любит арбуз, как русские женщины! Они любят арбуз страстно, с достоинством; несут перед собой нарезанные скибки с необычайной гордостью и довольством опередивших всех победителей, это их завоеванные трофеи. Они любят арбуз на завтрак, обед и ужин. А далее Антон убедился, что для некоторых из них арбуз даже становится самой главной едой на Крите. Ну и правда, что сказать, арбузы здесь действительно замечательные! А еще черешня, клубника, абрикосы, апельсины...

Тамара была удивлена чрезвычайно:

— Вы что, не ходили на море?

— Почему же? Ходили, — признался Антон.

— А как же мы не встретились?

— Не знаю.

— Вы на каком пляже были? — поинтересовался Федя у Кристины. — Мы на том, который левее. Там зонтики какой-то соломой покрыты или сухими пальмовыми листьями, что ли...

— Соломой? — удивилась Кристина, оглядываясь на Антона. — Выходит, мы на другом пляже были.

— А мы правее, совсем рядом, — пришел ей на помощь Антон. — Там зонтики такие сине-белые...

— Да, мы еще посмотрели, вас нигде нет, — сказала Кристина. — Что делать? И направо свернули.

— Надо же, — удивилась Тамара. — А мы-то думали, куда вы подевались?

— Никуда мы не подевались, — улыбнулась Кристина.

— Зато завтра точно будем знать, где встретимся, — подвела итог Тамара. — Теперь не разминемся. У нас просто окна номера на этот пляж смотрят, потому мы там и оказались, чтобы долго не бродить.

— Так что давайте к нам под солому с пальмами, — добавил Федя. — Или мы к вам, если хотите.

— Нет, сначала к вам, — засмеялся Антон. — Хочется к экзотике приобщиться.

Этим вечером в ресторане было музыкальное шоу. Пела поддельная негритянка или афроамериканка, или афро еще кто-то; исполнялся довольно странный микс из творчества Джо Дассена, песни группы Smoke про живущую по соседству Элис и — это было самое невообразимое и самое невероятное! — песни Любы Успенской про «кабриолет». Последнее, очевидно, выглядело как некий реверанс в сторону русской публики. Антон с Кристиной, конечно же, не выдержали и рассмеялись.

— Погоди, сейчас еще «Владимирский централ» грянет! — пообещал Кристине Антон.

Но услышать из уст певички туземно-туристического происхождения легендарную фразу «зла немерено!» им все же не довелось. Концертная программа ужина закончилась долгим исполнением танца сиртаки, в котором должно было объединиться как можно больше присутствующих. Ведущая этого вечера подходила к столикам и приглашала кандидатов на сцену, потом уже беспорядочно танцующее веселье просочились змейкой в проходы; пытались туда вытянуть и Кристину, но она не поддавалась.

В этот же вечер в многочисленных кафе, окружавших небольшую центральную площадь с фонтаном, англичане и немцы смотрели футбол. Большие настенные панели светились ожесточенной спортивной борьбой за мяч по всему полю. Сплоченные группы болельщиков за столиками потягивали пиво и возгласами одобрения или разочарования отмечали забитые голы.

Антон с Кристиной погуляли по окрестностям, заглядывая в магазинчики; зашли в супермаркет, где купили бутылку красного вина и фляжку метаксы. Было безветренно, на небе появилась большая круглая луна оранжевого цвета. Они спустились на набережную. Море было спокойно, линия горизонта почти сливалась с небом, а по сторонам словно вытягивались темные рукава, похожие на еще одно небо.

В кафе перед пляжем взяли по мороженому и дождались, пока совсем стемнеет. Серебристая лунная дорожка протянулась по морю прямо им под ноги. День закончился на балконе номера, где они посидели за бутылкой вина, всматриваясь в густую ночь, насыщенную новыми впечатлениями, как деталями конструктора, к которому не знаешь, как подступиться. Они собирали в уме модель своей Греции и вслушивались в приглушенные звуки веселья за далекими стенами, мерцавшими игривыми огнями. Ощущение безграничного простора тонуло где-то в море и щекотало ноздри свободой желаний. Этим воздухом нельзя было надышаться, дышала сама история с простотой древнего совершенства, все пространство было занято ею, и ее смутный силуэт был прекрасен.

Антон проснулся рано утром от звона колокольчиков — его разбудили козы, уходящие вправо по тропке. Зевая, он проводил их взглядом и вспомнил про галечный пляж, о котором упоминали Тамара с Федей. Вот куда надо сегодня сходить, чтобы продлить свое одиночество вдвоем.

Завтрак им удался — они специально пришли попозже, под самое завершение, предполагая, что иначе Тамара с Федей от них не отстанут. Выглядело это словно какой-то игрой в шпионов: Антону с Кристиной надо было не попадаться им на глаза. Это было непременно условие этой игры, и пока что Антон справлялся: легко было сообразить, что деятельная парочка не будет терять ни минуты драгоценного времени на отдыхе и зайвится на завтрак одной из первых, чтобы потом, не мешкая, отправиться на пляж.

Значит, направо, вдоль дороги, по обочинам которой растут кактусы. После заправки Shell (это своеобразный маяк, если что) сворачиваем налево и уже только вниз, до самого конца, по каменной лестнице к пляжу.

Пляж небольшой, врезавшийся в скалы. Людей немного. Совсем нет волн, изумрудная вода с прозрачным дном — все видно до мельчайших подробностей, на то она и галька. Правда, ступать по камням босыми ногами не очень удобно — скользко, надо держать баланс равновесия. Антон с Кристиной, взявшись за руки, вместе вошли в море. Про опасность морских ежей, где-то там, на дне, под камнями подстерегающих

свою жертву, помнилась, но оказалось, что эти страхи преувеличены, по крайней мере, Антон с Кристиной были осторожны, да и как тут не быть осторожным, если не хочешь упасть.

Обошлось без ежей и без легендарной «критской кошки», которая пряталась где-то в окружающих скалах, если пряталась, конечно. А самых обыкновенных кошек они видели у фонтана и у многочисленных кафе и магазинчиков. Когда мокрые и возбужденные, они выбрались на берег, то заметили рядом со своими лежаками сидевшую на полотенце девушку — ту самую, что видели вчера за обедом. На ней снова была длинная юбка; в этот раз она сидела, обхватив колени, и глядела в сторону моря; глаза скрывались за солнцезащитными очками.

— Мне это место тоже нравится, — сказала она, поправляя длинные волосы. — Приятная бухта. Многие не любят гальку, я же наоборот. Море чистое, без мути песка... — Она потянулась за голышом, подобрав юбку и открыв босые ступни. — Вы недавно приехали?

— Вчера, — ответила Кристина.

— Я вас сначала за англичан приняла.

— Похожи? — спросил Антон.

— Да, есть что-то такое. — Она встала, наклонила голову и посмотрела на него поверх очков.

— Надо же, — улыбнулась Кристина. — Не за немцев? А на русских мы похожи?

— Только не на немцев... Просто англичан здесь много, а вы к ним как-то ближе... — Она не договорила и неожиданно облизала губы.

— Даже не знаю... Ну, спасибо за такую высокую оценку! — с иронией сказал Антон; теперь он тоже был в очках, чтобы соответствовать разговору. Он успел заметить, что глаза у странной незнакомки утомленные, красноватые, как бы присыпанные мукой; равномерный загар с легким бронзовым оттенком на открытых местах тела, белый топ, худые нервные руки с длинными пальцами; ей еще и тридцати нет, подумал он.

— Правда-правда, — закивала она головой и наконец представилась: — Оксана.

Они тоже назвали свои имена. Оксана рассказала им, что живет на Крите уже месяц, с начала мая, и собирается провести на острове все лето, и только в конце сентября улетит домой.

— Как это? — не поняла Кристина.

— Да очень просто.

Антон отвернулся и стал собирать вещи. Он решил, что затягивать общение не стоит. Оксана также прилетела на две недели, а потом просто не стала возвращаться, — очень ей тут понравилось; паспорт есть, виза еще аж до следующего года, так что проблем никаких нет, главное, чтобы деньги были; жить в отеле необязательно, всегда можно найти, где переночевать, тем более лето — и какое лето! — не зима же; с едой та же история, можно вообще бесплатно устроиться — райское местечко; в общем, пока сезон не закончится, домой она не собирается, а улететь даже в начале октября несложно, на последний рейс всегда билеты имеются, она узнавала... Наверное, к ним подошла, потому что заскучала, вот и захотела с кем-нибудь пообщаться. Ну, достаточно.

Антон демонстративно повесил рюкзак на плечо и кашлянул.

— Интересно было узнать подробности, — неуверенно, с оглядкой сказала Кристина.

— В Ретимно еще можно съездить, в Ханью. Ираклион, само собой.

Развалины Кносского дворца — это на любителя. Там от солнца спрятаться негде... — После этих слов Оксана вдруг запнулась и попросилась почти скороговоркой: — Ну, не буду вам мешать отдыхать!

Они минуты две еще собирались, не больше, а когда поднялись по лестнице, Оксаны уже и след простыл.

— Чего она от нас хотела? — спросила Кристина.

— Не знаю, — сказал Антон.

— Странная какая-то...

Он ничего не ответил. То, с каким интересом Кристина слушала ее, вызвало у него раздражение. Или он устал. Только теперь почувствовал, как обгорели пальцы на ногах. В шлепанцах ему ходить никак нельзя, нужна закрытая обувь, придется надеть кроссовки. Стоял полуденный зной. Неумолчно звенели цикады, они пели каждая в своей тональности, не сбиваясь с яростного и настойчивого ритма. Этот многоголосый хор большого греческого театра настигал повсюду, разве что в море его не было слышно, и удивительным образом успокаивал, сообщая о гармонии всего сущего.

Антон прихрамывал, но, несмотря на это, оторвался от Кристины.

— Ты не подождешь меня?

Даже не заметил, желание поскорее добраться до номера затмило все.

— Я тоже устал, у меня пальцы на ногах обгорели.

Раздражение не проходило. Когда дорога пошла под уклон, стало полегче. Теперь они шли вместе, Антон взял Кристину за руку. Сейчас будет поворот направо, а там уже рукой подать.

Едва они перевели дух, как одновременно увидели Тамару с Федей. Знакомая парочка задержалась под навесом у входа в магазин. Тамара медленно поворачивала круглую стойку, утыканную открытками с видами Крита, и выбирала, какую из них купить. Красный как рак Федя держался рядом, непоседливо поводя по сторонам головой; весь его вид безошибочно выражал знакомое желание мужчин, находящихся под каблучком у своих жен, — куда бы мне срулить отсюда? Кажется, он был слегка под мухой. Во всяком случае, так им показалось. Он чесал под носом, упирал то одну, то другую руку в бок, меняя положение пакета, заполненного пляжными принадлежностями.

Антону и Кристине удалось избежать встречи с ними, но не удалось избежать объяснений за обедом.

— Ну, а сегодня с вами что случилось? — Напор деятельной Тамары не ослабевал; она заметила, что Антон прихрамывает. — Как это мы могли опять разминуться?

— И на ваш пляж ходили, — подтвердил Федя; ну, конечно, успел «принять» до обеда.

— Мы на галечный пляж ходили, — призналась Кристина; врать она не могла.

— Как же так? — разочарованно протянула Тамара. — Мы же договаривались!

— Мы не виноваты, — сказал Антон и посмотрел на Кристину. — Нас Оксана за собой потащила.

— Какая Оксана? — удивилась Тамара.

— Да вот которая с вами за столом вчера сидела. С длинными волосами и в длинной юбке.

— Оксана? Мы даже не знаем, как ее зовут. Она подседа к нам, спрашивала, откуда мы приехали, в каком отеле остановились...

— Сказала нам, что мы похожи на немцев, — сказал Федя и погрозил кому-то пальцем. — Типа, она подумала, что мы из Германии.

— Да, неожиданно немцами мы оказались, — засмеялась Тамара. — Значит, вот вы с кем нам изменили. С Оксаной.

— А нам не до смеха, — вздохнул Антон. — Перехватила нас прямо по дороге. Сказала, что знает пляж получше.

— Сама подошла к нам, и мы познакомились, — подхватила Кристина.

— Между прочим, приняла нас за англичан, — сообщил Антон. — С какой стати, непонятно.

— Ну, а что тут такого, — нисколько не удивилась Тамара. — Вы очень даже похожи. Правда же? — спросила она мужа.

— Еще какие иностранцы, — согласился он. — Прямо на лбу порода написана... Стоп! — вдруг сообразил Федя и обратился к Антону: — Так это вон что приключилось — ты на морского ежа наступил?!

Кристина прыснула от смеха, а Антону пришлось рассказать, почему он шлепанцы сменил на кроссовки. Ему посочувствовали, а когда обед закончился, Тамара с притворной строгостью сказала:

— Ну, смотрите у меня! Сегодня так уж и быть, отдохайте, а завтра, чтобы никаких Оксан...

— Да какое уж тут завтра! — поморщился Антон. — Мы вообще так обгорели, что теперь не до пляжа... Надо отлежаться, восстановиться, а не то так и до волдырей дойдет.

Он показал шею, Кристина протянула руки... Действительно, как ни береглись они от палящих солнечных лучей, а полностью спрятаться не вышло.

— Крем купите защитный, — подсказала Тамара. — В любой лавке есть.

— А лучше внутрь принять, — широко и доброжелательно улыбнулся Федя. — Ты раки пробовал? Нет? Местная водка — отличный виноградный самогон, я тебе скажу. А еще есть узо — это анисовая. Ну, не всем, конечно, пойдет. Похоже на это... ну, капли такие медицинские... забыл, как они называются? — обратился он к жене. — Антону надо обязательно попробовать.

Но Тамара его лекцию пресекла.

К защитному крему Антон взял еще упаковку воды в супермаркете. Высокое жаркое небо над головой обещало продолжение беспощадной борьбы с неприспособленными к отдыху человеческими организмами. Оставалось только одно: валяться в номере, ожидая возвращения физического равновесия и бодрого состояния духа. Антон нажал на кнопку лифта и поднялся на третий этаж.

Апартаменты располагали к приятному ничегонеделанью. Окна на балкон были зашторены, кондиционер работал в режиме прохлады, достаточной для существования в замкнутом пространстве. Три бутылки с водой Антон отделил и поставил на пол, остальные убрал в холодильник; пиво было куплено еще раньше.

— А наши немцы сейчас на пляже, — мечтательно сказала Кристина, вышедшая из соседней комнаты.

— Ну, за них можно не волноваться, — сказал Антон. — Они ни за что не сгорят. Скорее, солнцу от них достанется.

Он подошел к окну. На сегодня они спрятались от внешнего мира, но что дальше? Почему-то он задумался над этим. Что-то случилось? Да нет,

кажется, все нормально. И тем не менее, а скорее беспокойство возникло. Он недоволен, а почему? Причина ускользает...

— Ты с ума сошла! — вскрикнул Антон. — Больно же!

Кристина незаметно подошла сзади и обняла его за плечи.

— Ой, извини! — Она отпрянула; запечатленная в воздухе улыбка миготом растаяла и сменилась испугом. — Я совсем забыла... Просто захотелось к тебе прижаться.

— Забыла... — От нестерпимого зноя прикосновения у Антона даже мороз пошел по коже. — А если я тебе так же?

Он схватил ее за руку и притянул к себе.

— Я тоже хочу обнять тебя крепче.

— Отпусти!

Она выставила кулачки навстречу.

— Еще чего — не отпущу! У меня, может быть, чувства к тебе нахлынули!

Завязалась неловкая борьба — уже без шуток.

— Да отпусти ты, больно же! — Она была серьезна, глаза блеснули сопротивлением и тревогой.

— Нет-нет! — Он настойчиво улыбался. — Никуда ты от меня не денешься, птичка!

Оба запыхались. Выскочила неожиданная злость и никуда не уходила — кто кого...

— Дурак! — слезно выкрикнула она, и он уступил, проиграв сразу все.

Кристина выбежала из комнаты в ванную. Антон тут же опомнился: «Что это на меня нашло?» Действительно, дурак... Как все глупо, а? Просто невыносимо. Ужас крошечный и беспредельный. Ну иди, кайся!

Он подошел к двери ванной и осторожно повернул ручку. Дверь не поддавалась. Он постучал.

— Кристина, открой!

Молчание. Раздался шум воды.

— Ну, открой, пожалуйста!

Теперь Антон подергал ручку. Бесплезно.

— Послушай, я виноват... Даже не знаю, как так получилось!

Вода лилась стремительным напором — с силой, равнозначной степени расстройства.

— Я тебя обидел, прости. Ну, хватит... Кристина, открой, или я дверь сломаю!

Антон налег на преграду всем телом, снова постучал.

— Я же не специально! — начал оправдываться он. — Ты слышишь меня?

Шум воды стих, и дверь внезапно открылась: Кристина вышла с заплаканными глазами и мокрым лицом, утираясь полотенцем.

— Я же не специально, — тихо повторил Антон; он хотел обнять ее, но вовремя остановился, а она отшатнулась.

— Не надо.

— Кристина!

— Ничего не надо, — упрямо повторила она. — Дай мне пройти.

— Ну, подожди... Куда ты собралась?

— Никуда.

— Хорошо. — Он опустил руки. — Дурак, согласен. Еще какой дурак.

Но ведь больно же было!

— А мне не больно? — Ее обида была сильнее и значила больше. —

Что я делаю не так? Мне кажется, как мы сюда приехали, я все делаю не так. Я же вижу, как ты...

— Ерунда, — перебил он ее. — Ты это себе придумала.

— Я же вижу, как ты недоволен.

— Чем? — растерялся он.

— Не знаю, — нахмурилась она.

— И я не знаю, — сказал он, глядя на ее трогательно надутые губки, — так хотелось их поцеловать именно сейчас. — Зачем нам ссорится из-за мелочей? Ну все, успокаивайся, пожалуйста... Это нервы, жара, новые впечатления — слишком много всего для нас. Мы все исправим. — Он осторожно поцеловал ее в лоб. — Больше таких срывов не будет. Я обещаю. Как ты смотришь на то, чтобы взять напрокат машину?

— Зачем?

— Мы могли бы поехать, куда захотим, а не сидеть на одном месте. Увидеть много интересного. Это же так здорово!

Его старания не пропали даром: она успокоилась. Перестали дрожать губы, высохли слезы, взгляд очистился от подозрений. Она, наконец, улыбнулась, ведь он так увлекательно рассказывал о том, что их ждет впереди! Он и сам воодушевился от собственных слов. Никаких глупостей больше не будет. Надо двигаться, чтобы не скиснуть. Сегодняшний день не в счет. Уже завтра все будет иначе. Воспрянем. О чем там говорила Оксана? Ретимно, Ханья, Ираклион, разумеется. Будем наслаждаться отдыхом, не будем экзотичить на чувствах. Откроем для себя райские уголки Крита — в полном соответствии с туристическим путеводителем! Но все это начнется завтра, а пока что Антон пытается занять себя чтением «Ночного хоккеиста», но уже через несколько страниц у него невольное слипаются глаза, и интрига книги неотвратимо гаснет, это сиеста, сопротивляться ей бесполезно. Кристина могла бы посмотреть телевизор, но стоит ли это делать здесь, если он и дома не нужен. Она берет в руки смартфон и надевает наушники. Листает страницы в Интернете, слушает музыку, но скоро это ее утомляет: смартфон выскальзывает, теряет равновесие, переворачивается, вай-фай серфинг заканчивается...

Они оба лежат на спине, на груди, на боку, снова на спине, боясь пошевелиться. Крем не спасает — это решение запоздало. Любое движение становится неудобным, все кажется лишним. Даже тонкие простыни похожи на колючую и шершавую армейскую шинель, жарко припавшую к телу. Долой всякую одежду! О, боги всемогущие, сил дайте, чтоб эти муки претерпеть! Глаза закрыты.

Антон ищет руку Кристины, находит ее и слегка пожимает пальцы. Оба лежат совершенно голые.

До проката автомобилей от отеля всего несколько шагов пройти. На улице хватает разных контор, выбирай, какую хочешь. Чтобы сильно не загоняться, Антон решил остановиться на «Школе Рапид» белого цвета. Предложение его устраивало. Он обратил внимание, что на Крите практически отсутствуют джипы или какие-нибудь членовозы, в основном все пользуются малолитражками, ездят на мопедах или мотоциклах. Сигнализации на машинах нет, да и зачем она на острове?

Сразу же и поехали, но не «куда-нибудь», как в песне про «кабриолет», а в Ретимно, потому что до него было ближе всего по карте. Городок им понравился оживленной атмосферой: узкие улочки, старые здания, гомон разноголосой толпы, магазинчики, торговые ряды, столики и

зонттики кафе, возбуждающее свежестью соленое дыхание моря, призывный блеск жалящего солнца и особый туристический зуд, сочетающий радостную беспечность с усталостью от невозможности желания все охватить, почувствовать, увидеть и понять. Сиюминутное торжество жизни во всех ее проявлениях кружило голову и подавало надежду на то, что и тебя не обошла своим вниманием вечность, и ей есть дело до признания твоего существования; ее присутствие здесь вдруг оказалось более чем зримо. Во всяком случае, Антон испытывал нечто подобное, и ему хотелось верить, что и Кристина оказалась в таком же положении. Но если в этом они были наравне, то в другом нет.

Они осилили по величественной и разноцветной пирамиде мороженого, равного обильному завтраку, выпили кофе: он — латте, она — капучино. Еще Кристине понравились пончики в шоколаде. Он охотно выпил бы пива, но не мог себе этого позволить — за рулем. Следующее испытание ждало в обед: греческий салат, мусака — это-то Антон как раз всячески приветствовал, но когда Кристина разохотилась и заказала красного вина, он не выдержал:

— Так вот в чем преимущество пассажира — быть свободным от руля и уметь радоваться самым обыкновенным вещам. Чего я себя лишил...

— Именно, что уметь, — согласилась с ним Кристина, подняв бокал и сделав глоток. — У-у, неплохо... А что же мешает тебе, о, прикованный Прометей, присоединиться к моей скромной трапезе?

— И как же я могу снять свои оковы? Кто нас повезет обратно?

— Ах, вот в чем проблема...

— Причем серьезнейшая.

— Можно чередовать.

— Это как же? Неужели ты...

— Зачем я? Автобус же ходит.

— Что-то мне это напоминает, — сказал Антон, наблюдая за смачной дегустацией вина, которую Кристина производила с нескрываемым наслаждением. — Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — скорчила легкую гримаску Кристина. — Ты мне завидуешь? Напрасно. Я вот завидую им... — Она кивнула в сторону сидящей через два столика пожилой пары.

— А что там? — не понял, приглядываясь, Антон.

— Английские пенсионеры.

— С чего это ты взяла?

— Слышала, как говорят по-английски. Какая прекрасная пара.

Теперь Антон их разглядел. Седой плотный мужчина в белом поло с горизонтальной синей полосой, с седой же бородкой, с аккуратным брюшком у края полной тарелки; лицо тихое, спокойное, даже безгранично уверенное в своем выверенном и непоколебимом спокойствии. Женщина рядом с ним, сразу видно, что ниже ростом, сухонькая, легкий венчик волос на голове, достоверная до узнавания, выдержанная в каких-то незблемых правилах приличия, но с угадыванием скромной и добропорядочной суетливости, если уж выпадет случай. У обоих размеренные и неторопливые движения рук, занятых ножами и вилками.

— И что же я должен предпринять?

— Ну, разве непонятно? Мы же тоже англичане.

— В какой-то степени, но...

— Тебе ничего не надо предпринимать. Я просто вижу, как им здесь хорошо. Они прожили свою жизнь в любви и продолжают любить друг

друга. Они даже сейчас, когда сидят за столом и едят, словно продолжают держаться за руки. Сколько в них заботы друг о друге, неужели не видишь?

— Какие интересные фантазии... С такой же уверенностью можно утверждать обратное: что они терпеть друг друга не могут, а только ради приличия изображают согласие. Прикидываются — у них ведь так принято...

— Не соглашусь. От них веет благородством...

— От них веет старостью — какие уж тут могут быть чувства... Чувства — это в другом месте, чувства — это когда обнимаются, целуются...

— Ну, как же ты не понимаешь! Они же любят друг друга, зачем им целоваться?

Антон буквально опешил от ее слов; в глазах Кристины блеснул огонек возражения, а в ее голосе проявилось куда больше чувства, чем те, о которых только что говорилось. И как тут было что-либо понять.

Она вдруг встала и поцеловала его.

— У тебя вид какой-то испуганный. Я ведь пошутила. У меня самой чувства нахлынули. Неожиданно что-то показалось знакомым. Вот это все. — Она обвела вокруг себя рукой. — Как будто я это уже видела раньше во сне и знала, что так и будет. Примерно так угадывалось. Будет это море. И пляж... У меня уже в первый день так было — сразу узнала это небо, солнце, волны... Даже брызги узнала, вспомнила ощущение соленой воды на губах. Я куда-то бежала по мокрому песку, и было здорово. Не могу только вспомнить, когда мне это приснилось? Я так тебе благодарна, что этот сон сбылся.

Антону тоже все происходящее казалось сном. У него ее откровения вызвали совсем другие чувства: ему вдруг стало неловко, словно он получил позабытый сигнал неуверенности. Он же выдал себя за другого, присвоил себе чужую биографию, о которой не имеет никаких сведений, кроме тех крох, что сообщила ему Кристина. И сейчас, увидев настоящих английских пенсионеров, он испытал неприятное ощущение фальши, как если бы действительно выдавал себя еще и за истинного англичанина. Ему было уже достаточно, что он обманывает Кристину, пусть даже с ее подачи, с ее движения и желания ему навстречу, вернее, к своим детским воспоминаниям, которым он должен был соответствовать. А ведь на самом деле он другой, он всего лишь занимает чужое место. И теперь он так сжился со своей ролью, что совсем позабыл, с чего начиналось его знакомство с Кристиной, а когда вспомнил, то стал опасаться, что неосторожно чем-нибудь себя обнаружит или его, наконец, разоблачат.

Но вслух он сказал другое:

— Ты лучше придумай, как мы будем оправдываться перед нашими «немцами» после сегодняшней поездки.

Как бы для приличия у них было два негласно установленных дня на то, чтобы отлежаться и зализать раны, полученные от нещадного солнца. После исполнения срока они предстали за ужином перед неутомимой Тamarой с Федей, которые не оставляли попыток привязать их к себе, и сразу же получили от нее выговор:

— Ну как же так можно! Необязательно на пляж ходить, но все время находиться в номере?.. — Тамара покачала головой. — Просто уму непостижимо!

Ее забота о них уже сравнялась с материнской; еще дать слаbinу —

и несомненно превзойдет. Отвечать взялся Антон, — у Кристины все равно бы не получилось.

— Укусы солнца оказались для нас весьма болезненны, — начал он игриво, — но, тем не менее, мы уже сегодня прервали свое заточение и совершили короткую вылазку по окрестностям. — И сразу перешел в наступление, спросив более наудачу, хотя его предположение насчет того, что «эта пара не выдержит сидеть на одном месте» все же оказалось верным: — А позвольте полюбопытствовать, где были вы?

Тамара оценила его тон и отвечала обстоятельно:

— Мы были на экскурсии — уже второй день ездим. Ханья, Ретимно, Ираклион — везде побывали. В Ханье рынок хороший, в Ираклионе в историческом музее были — иконы, коллекция старинных монет, есть что посмотреть. Венецианский форт... Потом еще эта бухта... как ее?

На помощь пришел памятный Федя:

— Бухта Суда. У меня записано. Это по дороге в Ханью.

— Тоже очень интересное место, — продолжила Тамара. — Именно там сирены пели Одиссею, представляете?

— Пока мы тут в четырех стенах, — вздохнула Кристина.

— А Ретимно? Помнишь? — Тамара обращалась к Феде, как участнику незабываемой поездки и свидетелю потрясающих впечатлений. — Нас специально, — она подчеркнула слово «специально», — привезли к знаменитому пекарю...

— Георгос его зовут, — подсказал Федя.

— ...да, к знаменитому пекарю Георгосу, и мы смотрели, как он раскатывал тесто для приготовления пахлавы. Это было так интересно! Рецепт приготовления этого теста сохранился еще от византийцев, а самому пекарю, наверное, лет девяносто, если не больше, — тараторила Тамара. — А экскурсия в Пещеру Зевса? А монастырь Богородицы Сердечной? Одно название чего только стоит!

— Действительно, — согласился Антон. — Душевно звучит.

— Как много вы успели, — удивилась Кристина. — Всего за два дня?

— А все из-за вас, из-за того, что вы на пляж с нами не ходили, — рассмеялась Тамара. — Решили попутешествовать, пока вы на карантине. Вот еще хотим экскурсии на Балос взять — тоже, говорят, любопытно. Это место слияния трех морей, там вода трех разных оттенков, представляете? С нами вместе не хотите поехать? Или завтра на пляж? А на Балос как-нибудь потом махнем?

Казалось, что Тамару нельзя остановить. Она говорила, говорила и говорила. А Федя терпеливо сопел, поглядывая по сторонам. Она обязательно хотела поделиться своим восторгом еще с кем-нибудь. Феде ей было мало, он был не в счет. Он приручен, покладист, с ним все понятно. Ее выбор пал на Антона с Кристиной, и только чудо или небывалая изворотливость могла спасти их, тихих и скромных «англичан», от крепких, стальных зажимом, обхватий бесцеремонных и оборотистых «немцев».

Они выкрутились и на этот раз, условившись о неперменной встрече на завтра, конечно же, на том пляже, где зонтики с пальмовыми листьями, или как их там, в общем, «идти налево, а не направо», и снова что-то им помешало, какая-то дурацкая причина расстроила их планы (Антон снова натер ногу, Кристина съела что-то не то), хотя ориентиры были указаны четко: «Тропикана» рядом, и промахнуться никак невозможно.

Они не совпадали после завтрака, на обед и после обеда. «Немцы» совершали неудачный проверочный рейд «направо», на пляж с сине-бе-

лыми зонтиками, уже посетили Балос (и были, как ни странно, разочарованы) и даже замахивались на Санторини, а «англичане» уезжали в Ханью и Ираклион и в «Тропикану» могли зайти разве что вечером, чтобы посмотреть, как танцуют бузуки.

Антон благоразумно промолчал о том, что взял напрокат машину, а «немцы» и не догадывались; они вообще стали реже пересекаться. Он чередовал ее использование с «преимуществами пассажира», и получалось это у него, к его же удовольствию, неплохо.

Была поездка на автобусе в Ханью, старую венецианскую крепость. В церковной лавке Антон приобрел браслет-оберег черного цвета, который вяжут узелками монахи. «Освященный», — неожиданно произнесла сухонькая старушка, протягивая ему покупку. Она кивнула головой и снова сказала: «Освященный». Должно быть, по-русски она знала только одно это слово, и в ее произношении оно звучало как первородное и самое необходимое среди других возможных слов.

От исторического прошлого в городе остались крепостные стены, древнеримские ворота и следы турецкого владычества. Антон с Кристиной прошли по набережной и отобедали в одном из многочисленных ресторанчиков жареными осьминогами в оливковом масле и с белым вином. А в завершение обеда им еще пришлось распить графинчик раки вместе с любезным хозяином, который выставил его «от заведения». Долго обнимались при этом и прощались. Неподалеку старый грек, сидя на стуле, играл на аккордеоне мелодию песни «Черное море мое». Все казалось странным и фантастическим. «Долго будет Ханья нам сниться», — сказал Антон на автовокзале, а в автобусе на обратном пути приложился к фляжке с метаксой и задремал. Кристине пришлось его разбудить, чтобы они не пропустили свою остановку.

Потом ездили на машине на озеро Курнас, окаймленное горами. На одном берегу гуляли гуси, а на другом можно было увидеть черепах. Но они их не увидели, потому что на тот берег надо было доплыть на катамаране, а крутить педали им не захотелось. Просто посидели на скамейке у воды, благополучно отрешившись от всех мыслей в голове, и полюбовались открывшимся видом, стараясь его запомнить.

До Ираклиона снова добрались на автобусе. Антон снял с карты в банке деньги на расходы. Гуляли по улицам, в порту, глазели по сторонам, накупили разных сувениров на память с греческой символикой и надписями «I love Crete». Магия праздной толпы неодолимо затягивала. Тем не менее, все вокруг снова деловыми муравьями и даже за столиками кафе сидели с занятыми лицами, а если уткнулись взглядом в смартфоны, так и тем более. Оказаться «человеком толпы» во исполнение никогда не исполняемых желаний было легче простого, и Антон с Кристиной не стали противиться общему настроению. Для них нашлись свободные места в таверне недалеко от площади со львами: Кристина заказала рыбу, а Антон еле управился с неожиданно острой едой — спагетти с морепродуктами, после которой был вынужден выпить много воды, но еще прежде, на прощание, ему пришлось распить с официантом очередной графинчик раки «от заведения», теперь уже на двоих, без участия Кристины, и наученному Антону удалось «пропускать», чтобы уцелеть; и снова были объятия, и энергичные пожелания «на здоровье!».

Однажды они совершенно случайно открыли для себя пляж неподалеку от деревеньки Фоделе: ехали по все той же дороге А90 по направлению к Ираклиону и сделали остановку. Песчаный общественный пляж,

слева и справа защищенный выдающимися в море горами. Чтобы расположиться под зонтиком с двумя лежаками, надо было заплатить всего пять евро за два стакана апельсинового сока подошедшему из соседнего кафе парню. Пустынно. Свежий напористый ветер нагоняет на берег волны. Слева, на расстоянии, поднимается в гору отель, пляж перед ним заполнен людьми. Высокое небо в легких рассеянных облачках дышит лазурью. Вода меняет оттенки полосами: с теплого прозрачно-нежного до темно-синего холодного, помечая отмели и глубины.

Не сговариваясь, Антон и Кристина признали этот вид восхитительным. Почему? Наверное, потому, что их привлекла несуетность, сохранявшаяся именно в этой части побережья. Она была надежно спрятана, но они ее разглядели и признали каждый в своем представлении удобства и красоты.

— Ты пойдешь? — спросила Кристина, едва они обосновались у подходящего зонтика, позволившего укрыться от солнца.

— Минут через пять, — ответил Антон.

Он сидел, немного сторбившись, в тени на лежаке, еще не сняв футболку, в бейсболке, широко расставив загорелые голые колени. Она стояла перед ним в купальнике, на солнце, в больших темных очках и поправляла волосы. Все повторялось, привычное начало ритуала: она легка на подъем, он традиционен в своей рассудительной неспешности.

— Я ждать не буду.

Ее губы трогает ироническая улыбка. Она идет к морю уверенной походкой благосклонной богини. Ее приветствует шум моря, в ее честь звучит сдержанная песня ветра. Оставаться сторонним зрителем никак невозможно.

Расставшись с одеждой, Антон поднимается и идет за ней следом. Она вбегает в волны, оборачивается и начинает брызгать на него водой. Он защищается, подняв руки. Она смеется. Потом они плывут вместе, преодолевая сопротивление стихии. Он переворачивается на спину и на мгновение замирает, покачиваясь на ослабевших волнах, растворившись взглядом в отраженной, перевернутой картине широкого и необъятного небесного моря.

Дни проходили с нарастающим чувством безоглядной уверенности в своих силах. Антону казалось, что он приручил время и обрел возможность им повелевать, как новоявленный греческий бог. Ему словно любой камень вокруг, оставленный древностью, нашептывал о такой возможности. Здесь отмеченный вечностью день тянулся в перерасчете на обыденность не меньше недели. И всегда было «сейчас», никогда «вчера» или «завтра». И очень хотелось, чтобы у этого «сейчас» никогда не заканчивался срок использования.

Когда Антон предложил Кристине: «А может быть, на все лето останемся, до осени, как нам Оксана рассказывала?», он сделал это уже не в шутку, а действительно поверив в такой вариант. И даже поправился, предвидя возражения только в одном случае: «Деньги есть, нам хватит». Но вот только он совсем забыл, да, все на свете забыл и не хотел вспоминать. А она восприняла его слова как шутку, ничего другого ей бы в голову и не пришло.

Кристина через день звонила домой или писала сообщения, общалась с матерью и сыном, — связи не теряла. А Антон сосредоточился на продлении своего «я», обрамленного символами и приметами вечности, — он не хотел утратить достигнутого им состояния «обыкновенного величия»,

которое стало ему доступно на морском берегу. Кристина же была к нему необходимым приложением.

Развлекаясь, она сделала несколько снимков Антона на пляже; он ответил ей тем же. Если она дурачилась, то он был серьезен. Результаты для него оказались неожиданными. На фотографиях, сделанным им, Кристина выглядела воздушным воплощением красоты. Ничего особенного для этого он не делал, ни к каким ухищрениям не прибегал — просто совпало ее настроение и желание, а остальное за него сделали солнце, ветер, поворот головы, испытующий взгляд, взметнувшиеся волосы, полотенце, парео и даже тень от зонтика.

А фото, сделанные Кристиной, его неприятно удивили. На них он выглядел изрядно раздобревшим, хотя всего-то лишь в апреле мать говорила ему, что он похудел. Значит, она ошибалась или у нее был другой взгляд на своего сына? В особи, развалившейся на лежаке, он обнаруживал не себя, какого знал прежде, а какого-то кабана-паразита, от которого никак нельзя было отмахнуться. Неожиданная надменность в этом лице путалась с провальной, плохо скрываемой хитрожопостью. Но внутренне он продолжал себя ощущать совсем другим человеком: стройным, тоньше лицом, изящнее фигурой. Значит, когда он, расслабившись, полировал свое «я» и как бы предавался мечтам, в которых уже почти уверовал в то, что так, как *сейчас*, было *всегда*, просто он *здесь* отсутствовал, а теперь, наконец, вернулся, на самом деле он оставался кабаном-паразитом или уже превратился в него, что и отразилось на снимке. Эффект был поразительный настолько, что он разочаровался в себе. Словно все самое важное для него обернулось видением, сном, мыльным пузырем.

У Антона еще оставались некоторые сомнения по поводу произошедшей с ним перемены, и то сказать, ведь еще утром он видел себя в зеркале и ничего такого предосудительного, что бы его встревожило или поколебало, не обнаружил.

— Ракурс какой-то неудачный, — сказал он, возвращая Кристине смартфон.

— А что тут неудачного? — спросила она. — По-моему, все очень даже неплохо.

— Да что же хорошего... — Он поджал губы и озвучил более приемлемую юмористическую версию: — Прямо бегемот на отдыхе получился, да еще и в очках от солнца.

— Ну, неправда, не сочиняй.

Она улыбнулась, наклонилась (а он так и продолжал нежиться на лежаке) и поцеловала его. Что-то с мобильной оптикой, мысленно продолжил он свое расследование, или с оптикой взгляда. Технические искажения фокуса, погрешности — это же частый случай. Сложно добиться объективности от застывшего изображения, сделанного равнодушным аппаратом. Бездушная машинка щелчком фиксирует окончание процесса съемки и не более того, результат только в этом. Но, однако же, Кристина у него получилась. Камера увидела ее точно так же, как видел ее он. А как видит его Кристина?

Антон повернул голову и опустил очки, чтобы еще раз увидеть ее лицо. Она лежала рядом с закрытыми глазами, легкий бриз шевелил прядку волос, откинутую со лба. Губы смотрели по-детски расслабленно и доверчиво. Все в ней было честно и открыто. Сомневаться не приходилось: она по-прежнему видела его влюбленными и благодарными глазами. Тогда в чем же обман? В нем. В том, что он согласился с под-

мной, еще раньше пошел на нее вместо того, чтобы рассказать, кем не является.

На следующий день порвался его комбоскини — браслет-оберег узелками, вернее, развязался в одном месте и едва не спал с руки, когда Антон выходил из моря на берег.

— Давай, я тебе его завяжу, — предложила Кристина. — Потеряешь.

— Не надо, я сам. — Он помотал головой и, шурясь, взялся сочинять новые узлы.

— У тебя не получается, — терпеливо заметила она, наблюдая за его неловкими попытками. — Ты неправильно делаешь.

— Может быть, я как-нибудь сам разберусь?

— Море хотело его забрать у тебя.

Но это была неприятность малая.

Все неожиданно сломалось в самом конце их отдыха, когда Кристина получила от матери сообщение, что Андрея увез Зулусов, или если перевести на язык сложных неразделенных семейных отношений, вызывающих к родственным чувствам, отец забрал своего сына у бабушки.

— Как это увез? — спросил Антон; он сразу и не сообразил, что случилось.

— Увез и все, — осторожно утирая подступившие слезы, сказала Кристина. — Выкрал.

— Ну, подожди...

— Да что ждать? — вскинулась она. — Просто выкрал, когда она отлучилась из дома.

— Не может быть. Чтобы Зулусов пошел на это... — сказал Антон, но не договорил; он, как только сказал, так сразу же и понял, что именно на это Зулусов как раз способен, именно это ему очень подходит.

— Я это предчувствовала... Уж слишком все было спокойно.

— Она в полицию заявила?

— Кто? — не поняла Кристина и вздохнула. — Что ты говоришь? Какая полиция? Что она будет делать без меня?

«Как специально нам подгадил, — подумал Антон. — Конечно же, специально, не просто так, и момент выбрал подходящий, с расчетом. Еще и выслеживал, наверное, готовился...»

— Да, хорошего мало. И что ты собираешься делать?

— А что я могу сделать, если я нахожусь здесь?

«Вот же сволочь, — негодовал Антон. — Узнал, что мы уехали, узнал, куда мы уехали, и решил ударить...»

— С другой стороны, а стоит ли так волноваться? — заговорил он, стараясь быть спокойным. — Не украл, а забрал к себе. Не чужой ему человек. Забрал на время, не навсегда. Так что ничего страшного.

— Ну что ты говоришь? — Она взглянула на него с укором.

— Я хочу, чтобы ты рассуждала здраво.

— Мне сейчас не до рассуждений! Я не знаю, что мне делать, я в растерянности. Это же мой ребенок!

Антону стало понятно, куда она клонит.

— Но мы же не можем вот так все бросить и сегодня же вернуться? Каким образом мы это сделаем? У нас самолет послезавтра. Осталось всего ничего подождать...

— Я не знаю.

Она замкнулась, у нее было подавленное настроение, готовое прорваться истерикой. Все было на грани, все повисло в ничем не заполнен-

ном ожидании. Антон сдал машину; куда больше не ездили, на пляж не ходили. Просто ждали, ведь осталось всего ничего...

Стали раздражать мелочи — они отдавали током, были заряжены молнией. Это было встречное двустороннее движение — невозможное в спокойное, безмятежное время. Не так стояла зубная щетка в стакане, не так висело полотенце на балконе. Исступленно, на износ, работал кондиционер в номере, чтобы вызвать воспаление легких. Когда кондиционер не работал, душила жара — методично, безжалостно, до сумасшествия. Слишком долго нельзя было попасть в ванную, слишком быстро закончилась метакса. Издевались цикады и комары. Стул отодвигался с обнаженным ножевым скрипом. Шкаф закрывался как тяжелая дверь в тюремную камеру. Утешение в еде было обманчиво. Стало тяжело говорить и еще тяжелее молчать. Дальше так продолжаться не могло...

И Антон, наконец, решился:

— Ты хочешь, чтобы мы продолжали мучить друг друга? Тебя, наверное, бесит мое присутствие? Я тебя раздражаю.

— Нет, ты меня не раздражаешь, — сказала Кристина.

— Тогда что?

— Мне не нравится твое отношение.

— А чего ты от меня ждала?

— Я думала, ты мне поможешь...

— Но как? — теряя терпение, он развел руками. — Что я могу сделать сейчас, в эту минуту? Где логика?

— Если бы я услышала от тебя слова поддержки... — неуверенно сказала она.

И тут-то кабанья натура, которая неожиданно поразила Антона, вылезла.

— Я больше так не могу. Я думал, что будет по-другому! — взвился он. — Понимаешь, это не я! Я не тот, за которого ты меня приняла. Не было у нас с тобой общего двора и общих воспоминаний. И никакого велосипеда, понимаешь? Ничего этого не было! Я не тот, кто тебе тогда понравился, и я его совершенно не знаю! — Он сбился, подошел к ней, обнял ее за плечи и заставил взглянуть на себя. — Посмотри внимательно — ты обозналась! Я не знаю, кем мне надо быть для тебя, как себя вести, как соответствовать тому образу, который ты себе придумала!

— Я все это знаю, — тихо ответила Кристина. — Я знала это с самого начала. И ничего себе не придумывала.

— Тогда почему? — растерялся Антон. — Для чего все это?

— Ты мне напомнил... — Она старалась подобрать слова. — Да, наверное, этот образ жил во мне, а когда я тебя увидела... Я увидела, что ты похож. — Она слезно улыбнулась. — Что-то такое отдаленное, светлое из детства. Я же не знала, что будет дальше и как все сложится. Как можно заранее что-то предугадать?

Она была права: ничего нельзя знать заранее и рассчитать наверняка.

— Но у меня ничего не получилось, — признался он. — Наверное, я плохо старался.

— Нет, все дело во мне.

Она хотела его утешить?

— Как раз нет, это я виноват. Я совсем другой человек.

— Но ты мне нужен!

— Я или..?

— Ты! — вспыхнула она. — Конечно, ты!

— Я, наверное, сам себе не нужен. Мне сложно это тебе объяснить. Я устал и, может быть, говорю не то. Мне жаль...

— Я тебя не понимаю.

— Вот и я об этом: мы не понимаем друг друга. Прости...

Отчаяние в них обоих было запрятано глубоко. Надломилась самая тонкая грань в отношениях, и справиться с возникшим разобщением не получалось. Этот неожиданный срыв привел к разрыву, и его уже ничем нельзя было залатать.

Тамара с Федей на глаза им не попадались, и встретиться снова им довелось уже при посадке в автобус, отвозивший туристов в аэропорт. Все вышло как-то скомканно и необязательно. Тамара была так же оживлена, но теперь с оглядкой на так и не состоявшуюся дружбу между ними. Про пляж шутить не было смысла, и она охотно рассказывала о том, где еще они побывали, и стало понятно, почему их не было видно, — последние дни они провели в разъездах. Антон наугад кивал головой, Кристина держалась в стороне, глядя в землю и ничем не выдавая (а на самом деле, выдавая всем) своего отсутствия в разговоре. Федя стоял у багажного отделения; он зевал, курил, был похож на сгоревшего на работе землекопа и, кажется, был доволен тем, что возвращается домой.

Наконец, красноречие Тамары иссякло, и она в свою очередь поинтересовалась:

— Ну, а вы какие места посетили? Что интересного видели?

Антон успел протянуть что-то вроде «э-э», Кристина, не выдержав, вздохнула и отвернулась, и Тамара вдруг с удивлением обнаружила, что они не вместе.

Тут водитель закрыл багажный отсек, и сопровождающая дала команду к отъезду.

Глава двадцать третья

АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ НА СОБСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Утро проступило в окне почти осенней сыростью. После ливня похолодало. Середина июня полностью опровергала недавний прогноз погоды, сделанный телевизионным синоптиком в клетчатом, шулерском пиджаке, — вместо обещанной жары поперемменно шли дожди, а по мокрым листьям, усеявшим асфальт и тротуары, можно было решить, что город внешне захвачен осенью.

Оля Беседина невольно поежилась, ее разбудил телефон. Она потянулась к нему рукой и, не глядя, ответила. Звонила Кристина, у нее был взволнованный голос.

— Привет! Ты не на работе?

— Нет, сегодня же суббота.

— Ах, да... Что-то у меня с днями перепуталось.

— Что-то случилось?

— Да, случилось. Я просто не знаю, что мне делать... Вот решила тебе позвонить.

— Что-то серьезное?

— Очень. Аркадий забрал Андрея, пока меня не было дома. Он его украл, понимаешь?

— Кого?

— Моего сына. И я не знаю, где он теперь. Дозвониться бесполезно, в квартире никого нет, я проверила. И помочь мне некому...

— А Антон?

— С Антоном у нас все закончилось, к сожалению... Мы расстались.

— Как же так?

— Я сама не знаю, не спрашивай меня. Для меня сейчас главное другое: где Андрей? Где они вообще находятся?

— Может, не все так страшно? Ты заявить не пробовала? Или подождать?

— Чего мне еще ждать? Для меня слишком много всего сразу. И посоветоваться больше не с кем... Что мне делать?!

Было понятно, что Кристина растерялась. «Но почему она позвонила именно мне?» — подумала Оля, однако раздумывать было некогда. С некоторых пор она прослыла решительной натурой. К ней обратились, чтобы она рассеяла тревогу и оказала моральную поддержку. Ну что же, надо соответствовать. Иначе зачем бы она отправилась к Кристине?

Когда такси подъехало к дому в Чертовичком, вышло солнце, и появилась надежда. Оля остановилась у строгого забора, выкрашенного густой коричневой краской до воинственного красного оттенка. Снаружи все выглядело так, словно дом продолжает находиться в осаде, теперь уже совершенно бесполезной. «Интересно, кому он принадлежит? — подумала Оля. — Аркадию или ей?» Однако о встрече условились, поэтому, когда она подергала за выступ двери, ей отворили. В проеме показалась пожилая женщина в черно-желтом халате. У нее было недовольное, обесиленное лишними думами лицо.

— Дурынду приехали утешать? Или вразумлять? Только это бесполезно, — вздохнула она и пошла, переваливаясь с ноги на ногу, по плиткам дорожки к дому, по пути бормоча: — Ей хоть кол на голове теши. Хорошо, что отец не дождал до такого.

Едва Оля завидела старый и небольшой дом, облупившийся по фасаду, как у нее сразу же отпали все вопросы о его принадлежности.

Веранда была позади дома, именно там Оля встретила Кристину.

— Мама у тебя какая-то странная, — смело высказалась Оля; скорее всего, она имела в виду ее возраст, потому как поначалу даже приняла ее за бабушку. — Переживает?

— А-а, — махнула рукой Кристина. — Не обращай внимания, она меня постоянно осуждает. Чай будешь?

— Потом, может быть.

Оле так представилось, что она прибыла сюда для того, чтобы измерить градус паники и определить, насколько могут быть безумными поступки.

— А ты загорела, — заметила она, и эта фраза уже прозвучала, как слова поддержки.

— И загорела, — озабоченно сказала Кристина, — и выгорела почти дотла.

— Может, ты преувеличиваешь?

— Спасибо большое! — Лицо Кристины исказилось. — Я это уже слышала в Греции.

— Я ничего плохого не имела в виду, — нейтральным тоном специалиста по бытовым неврозам, отобранного методом тыка, сообщила Оля; она пыталась сообразить при чем тут Греция.

— Плохое уже случилось. Случилось со мной. И как мне выбраться из этого положения?

— А что же Антон?

— А ничего!

— Ты меня удивила. — Оля не знала, что ей говорить дальше, и ошиблась. — Я-то думала, что у вас это серьезно. Все так решили...

— Вот не надо этого «все» и «решили»... — прервала ее Кристина. — Не надо ничего за меня решать! Все прошло и растаяло — как наваждение, сон. Никто не виноват — обстоятельства так сложились. Виновата одна я... Мне не надо «все». Ты мне нужна. В тебе есть решимость, — убежденно сказала она, — во мне ее нет. Ты мне pomoжешь?

— Я не отказываюсь, но... — замялась Оля, чтобы через мгновение искренне удивиться. — Да чем же я тебе могу помочь?

— Чем? — всколыхнулась Кристина. — Неужели ты не понимаешь? Не просто же так ты ко мне приехала? Я теперь одна, со мной нет сына. Где он, я не знаю. Аркадий хотел сделать мне больно? Так у него это получилось! Андрей и его сын тоже? Ну, конечно! Разумеется, у него есть права. А меня он спросил? Это же подло — так поступать!

Оля удивилась еще больше. Впрочем, могло показаться, что Кристина разговаривает с собой и слушает только себя, и Оля была ей нужна тоже как слушатель, и обязательно слушатель внимательный и добросовестный, а не советчик, потому что она уже все для себя решила.

— Возможно, вы еще помиритесь, — вставила свое разумное слово в этот бессвязный поток Оля. — Вы же не разводились?

— Нет, не разводились. Как-то не успели, — печально, с досадой призналась Кристина и вдруг, словно что-то сообразив про себя, подхватила Олины слова и поразила им. — А ведь я совсем забыла об этом. — Она сложила ладони и приложила самые кончики пальцев к губам. — Какая нелепость!

— Ну вот, — воодушевилась Оля. — Значит, не все потеряно.

— Как же не все? — возмутилась Кристина. — Все, все без возврата. Нашел себе какую-то... А я что должна — просто молчать? Чтобы он забрал моего Андрея к этой... У него там старая связь — как это мерзко! А, пустой разговор, — неожиданно сдалась она. — Ничего не выйдет.

Оля увидела, что, сказав это, она будто опустила руки и подвела черту. И в эту минуту зазвонил телефон Кристины.

Какое-то время ехали молча. Аркадий Зулусов старался выглядеть спокойным, хотя некий бесенок внутри продолжал подначивать его на дальнейшие сумасбродства.

Наконец, Лиза Эль Греко не выдержала:

— Не понимаю, зачем ты это устроил?

— Понять это совершенно невозможно, правда? — с некоторым раздражением в голосе ответил Зулусов.

— Твоя ирония совершенно неуместна. Ты обо мне подумал?

Он промолчал.

— Не подумал. Зачем тебе обо мне думать? Ты же себе новую историю придумал — прямо авантюрист...

— Не начинай, пожалуйста. Сколько можно об одном и том же? Ты меня отвлекаешь.

— Я тебя еще и отвлекаю. А ты? Что ты мне говорил в Москве? Забыл?

Андрейка на заднем сидении завылся и снова спросил с непосредственной детской тревогой и обидой:

— Куда мы едем?

Лиза манерно вздохнула и цокнула языком.

— Не переживай, скоро приедем, — ответил Зулусов и повернул направо. «А почему направо? — подумал он. — Мог бы и налево. Или прямо. Разницы почти никакой».

— Скоро... — Лиза усмехнулась. — Мне кажется, ты сам не знаешь, что делаешь.

Андрейке незнакомая тетя рядом с папой не нравилась. Она ему сразу не понравилась, как только он увидел ее в квартире. У нее были какие-то странные украшения на голове и в лице. От нее резко пахло сладостями, и улыбалась она как злая колдунья из сказки. Он видел такую в мультфильме. Страшные большие глаза. Губы выпячивались змеей. Она обманывает папу, а он этого не видит. Почему он этого не видит, я же вижу? Она и маму, наверное, спрятала где-то или убила. Поэтому так улыбалась мне. А папа ничего не знает. Я спросил его: а где мама? А он не ответил. И его самого долго не было. Подарки мне присылал. Машинку и конструктор. Конструктор большой, он дома остался, а машинка со мной. Про маму нельзя у папы спрашивать, злой тете это не нравится. Если она про нее услышит, станет еще хуже. Я больше не буду спрашивать, чтобы с папой ничего не случилось. Это секрет. Он же не знает, что она злая колдунья? Я ему обязательно расскажу, когда мы останемся одни.

— Куда мы едем?

— Сейчас будет туннель, — сказал Зулусов.

— Зачем ты обманываешь ребенка? — спросила Лиза.

— Помолчи немного.

— И тут не можешь обойтись без дурацких сказок!

— Я не хочу никакого туннеля, — насупился Андрейка.

В туннеле темно, там с папой может случиться что угодно. И тогда злая колдунья захватит его, и он больше не увидит маму. Мама жива, она заколдована. И папа заколдован. Только он этого не знает. Когда ты заколдован, ты этого не понимаешь. Меня эта злая тетя не успела заколдовать, у нее ничего не получится. Папа не должен ей верить.

— Только зря напугал его.

— Только не разыгрывай участие, у тебя это плохо получается.

— Я ничего не разыгрываю. Разыгрываешь ты. Захотелось показать себя? Проявить свою силу?

— Мы потом это обсудим.

— Когда потом?

— Не задавай глупых вопросов.

— У меня еще и вопросы глупые! Он один что-то знает, а я, получается, дура!

— Я не хочу никакого туннеля. Куда мы едем? — продолжал канючить Андрейка.

— О, господи! Когда это кончится?

Зулусов резко затормозил, повернув к тротуару.

— Можешь выходить. Я тоже не из железа сделан. Надоело.

— Ты в своем уме?

— Вылезай.

— Что на тебя нашло? А впрочем, что я спрашиваю, — зло усмехнулась Лиза и нервно дернула ручку двери.

Андрейка жалелся в спинку сиденья. Вот это да! Папа ее выгнал. Он правильно сделал. Не побоялся. Она хлопнула дверью и ушла. Теперь можно ехать. Можно ехать к маме!

— Мы скоро приедем?

— Подожди еще немного.

Зулусов засопел, отняв руки от руля. Посмотрел в сторону удалявшейся Лизы Эль Греко. И неожиданно выбрался наружу, окликнул:

— Лиза, подожди!

Ответной реакции нет.

— Ну, послушай меня!

И уже зашагал скорым шагом за ней — недовольный тяжелый жук с блестящей спиной и сложенными крыльями.

Андрейка замер. Зачем папа это сделал? Почему он пошел за ней? Надо было скорее уезжать, пока она не вернулась! Значит, он по-прежнему заколдован. Злая колдунья его не отпускает, и он ничего с этим не может поделать. Теперь догнал ее, и она остановилась. Он что-то говорит ей, даже взял за руки. Держит ее руки в своих руках. Страшно. Как ему помочь? Надо найти маму. Вместе они смогут прогнать злую тетю и спасут папу. А когда папа и мама встретятся, она ничего плохого не сможет им сделать. У нее не будет сил. А они будут держаться за руки, и она их не разлучит. И когда они ее победят, они будут жить так, как жили раньше. Они станут жить хорошо. Теперь я знаю, что надо делать.

Андрейка еще раз посмотрел на то, как папа, стоя на знакомой улице перед знакомым сквером, выясняет отношения и осторожно потянулся к ручке двери.

Опустошение Антона Лепетова затягивалось. Это было настоящее крушение с жертвами, которое подразумевалось именно в состоянии эйфории. Когда тебе хорошо, непременно ждешь какой-нибудь подлости, по-другому не бывает. И особенно, когда тебе мнимо хорошо, когда ты придумал себе лучшую участь и поверил в ее реальность, не задумываясь о последствиях. А подлость-то в тебе и таилась, она изначально там сидела, потихоньку прогрызая выход наружу. И вот неожиданно выползла и показала себя во всей красе. Она и тебя загрызет, когда придет час, не только все твои желания и мечты. А никакой мечты у тебя и не было никогда, одни только желания дразнили — пустые, нелепые, больше похожие на животные рефлексы и инстинкты. Разговаривай теперь сам с собой, придумывай себе очередное оправдание, одерживай победу над поражением. Раны можно залечить, а потери подсчитать. Но ничего уже не вернуть — такая вот wonderful life...

Ливень так же внезапно закончился, как и начался. Штурм был отбит, отбой тревоги. Пар пошел от разохотившейся к сверкнувшему солнцу земли. Мокрые лучи света пронизывали листву, будоражили чужие фантазии, находившие в сочетании теней и пятен контуры веселого настроения на все оставшееся лето. И хотя Антон распахнул окно, он ничего не смог бы там для себя угадать.

Он был связан тесными узами с разочарованием и тоской. Поневолу он обратился во внутренний слух, звуки со стороны по большей части воспринимались им как технический шум. Можно было включить музыку: она хорошо гармонировала с угрызениями совести и закрывала непроницаемую тишину, которая неожиданно оказывалась одним из вариантов того же технического шума и самым, пожалуй, губительным. Был один-

единственный вопрос и сразу же ответ на него. Что я делал не так? Я всегда все делаю не так, и ничего нельзя изменить.

Можно один день не выходить из дома, можно два, три, а на четвертый неизбежно встает еще один вопрос, который определяет отношение к бесконечности, да, собственно, определяет уже саму бесконечность, потому что после трех неудачных попыток открывается соблазн впасть в отчаяние и сойти с этой дороги без посторонней помощи, потом уже будет сложно.

И потому Антон, наконец-то, отвечает на звонок мобильного от матери, которая находилась в курсе всех последних событий, происходивших с ее сыном. Про Грецию она, разумеется, знала, а о том, что он расстался с Кристиной, выяснилось сразу после его возвращения домой, когда она обмолвилась, пусть и с неким ехидством, но как бы уже примирившись с его выбором, о «твоей красавице, которую ты от меня прячешь». Екатерина Дмитриевна намекнула, что пора бы уже ее с ней познакомить, раз уж сложились такие обстоятельства и сын никак не собирается поумнеть. И тут на тебе, сюрприз за сюрпризом, только поспевай: едва только все началось, а уже закончилось. Екатерина Дмитриевна уже была готова сдаться, и вдруг такой подарок судьбы, не иначе, и она решила воспользоваться ситуацией в соответствии со своим представлением о счастье сына.

Антон не думал, что он прячется от общения. И если он разбирался с собой, то делал это, как говорится, «по воле волн», ожидая, когда песочные часы перевернутся и начнется отсчет нового времени для обновленного человека. Квартира в Березовой роще стала пустой во всех смыслах. Он ее и снимал-то для жизни с Кристиной, к иным обстоятельствам не готовился. С ее уходом и без того скромное жилье сразу уменьшилось в размерах, оно как бы сложилось в половину прежнего объема, как если бы с исчезновением Кристины ушла и часть жилой площади вместе со стенами и домашним духом, который сразу же выветрился безо всякого остатка. Стало не за что держаться, как за свое. Квартирка превратилась в обыкновенную нору неудачника, пострадавшего от собственной глупости. Она была годна только для того, чтобы в ней переночевать. Пора было выбираться на воздух.

По какой-то необъяснимой прихоти от многого приходилось отказываться — скорее, из-за упадка настроения, совместимого с давно минувшими детскими обидами и упрямством, нежели из-за экономии, хотя к неизбежной экономии Антон приближался семимильными шагами. Еще недавно, на Крите, он чередовал использование арендованной машины с поездками на общественном транспорте, а теперь, для того чтобы попасть к матери в гости, он отказывался от собственного автомобиля и выбирал маршрутку. Должно быть, не хотел рисоваться и делать вид, что все в его жизни идет по-прежнему и ничего в ней не поменялось. Как бы там ни было, добровольно униженная скромность победила разумное удобство, во двор Антон не въехал, а вошел — незаметно, едва ли не бочком, и теперь стоял перед знакомой дверью, нажимая на кнопку звонка.

— А мы тебя ждали, опаздываешь! — с порога объявила мать, и Антон, войдя в комнату и увидев Юлю Полеву, обреченно подумал: «Вот почему она так настойчиво меня зазывала».

Екатерина Дмитриевна находилась в приподнятом настроении. Она принарядилась, добавив к своему обычному гардеробу брошку, — приколла к платью камею с античным профилем. Все было похоже на званый

ужин, проходящий в непринужденной атмосфере, но Антон чувствовал себя принужденно.

— Юля мне сейчас, вот только что, до твоего прихода, рассказывала о встрече выпускников, очень интересно! — Мать торопилась и сбивалась, стараясь сразу задать верный тон встрече, на которую она возлагала определенные надежды, и Антон, конечно же, понял, какого они свойства.

У нее и у Юли блстели глаза, как у заговорщиков; у Екатерины Дмитриевны восторженно и даже победно, потому как она верховодила и уже была уверена в том, что ее затея удалась, а у Юли смущенно, как будто она уже и сама сообразила, в какую историю ее втянули.

— Очень жаль, что у тебя не получилось увидеться с бывшими одноклассниками! — продолжала вещать Екатерина Дмитриевна, взяв на себя еще и роль арбитра в каком-то неожиданном поединке по неизвестным Антону правилам.

— Да, не получилось, — только и оставалось сообщить Антону, частично признав свое поражение.

— А мы тебя ждали, — решила подыграть Екатерине Дмитриевне Юля. — Хоть я и не дозвонилась до тебя, а все равно ждали. Я подумала, вдруг кто-нибудь еще тебя предупредит?

— Ну как же он смог бы присутствовать? Он ведь у нас путешественник, — не вдаваясь в подробности, объясняет Екатерина Дмитриевна. — Ты только посмотри, какой у него нездешний загар. Это в июне, когда у нас полмесяца дожди идут. Интересно, будет в этом году лето?

— Это единственное, что будет точно, — небрежно бросает Антон.

Две подруги обсуждают пришедшего гостя. Старшая опекает младшую, заботится о ней и дает ценные советы. Гость несколько смущен, он конфузится и старается отвлечь внимание от своей персоны. Подробности сейчас не к месту.

— И много людей откликнулось на призыв? — интересуется Антон.

— Много, — отвечает Юля. — Даже удивительно, как все подтянулись. Почти все.

— Ну что же мы так сидим, — разводит руками старшая, умудренная опытом, подруга Юли, она же мать Антона. — Давайте пить чай!

Раставили чашки из сервиза, открыли коробку с зефиром. В фигурных стеклянных розетках выросло абрикосовое варенье. Екатерина Дмитриевна перестает попусту суетиться — ей можно отдохнуть. «Зефир просто изумительный — свежайший!» Разговор идет спокойный, неторопливый — словно катер, не встречая никаких препятствий, долго скользит по гладкой поверхности озера, не колеблемой возмущением, и только улыбка рядом мелькнет или раздастся где-то легкий смех. Все одноклассники посчитаны по головам, почти у всех имеются спасательные жилеты. Есть «утонувшие», а также «пропавшие без вести». Аркадия Зулусова формально нельзя отнести ни к тем, ни к другим, потому что он не доучился с ними, перейдя на последние два года в другую школу (Антон молчит, он нем как рыба на этот счет), и встречаться ему вернее там, где он заканчивал. Его не искали. Про Персика Юле ничего узнать не удалось, его вообще никто давно не видел, а Антон не стал ее расстраивать, делясь своими впечатлениями о том, в каком виде застал его зимой, и уж тем более не стал пугать ее Светкой Соколовой, которую Персик, как пить дать, приволок бы с собой на встречу выпускников за компанию. А девочки Тани, той самой девочки Тани, папа которой был художником и которая в его мастерской рассказывала Антону о фильмах Бергмана, больше

не было. Она долго болела какой-то неизлечимой болезнью и умерла. За муж так и не вышла...

Вот этого Антон не ожидал. В это сложно было поверить. Непостижимо. Оставалось у него что-то из далекой школьной жизни, за что можно было зацепиться, а теперь не стало. Крыша углом, холсты, запах краски, высокое окно, верхушки тополей, краски заката, закат жизни. Юли тогда не было в мастерской, у Антона не получилось бы поделиться с ней этими воспоминаниями, да и зачем? Таня улыбается и рассказывает, у нее красиво очерчен рот, губы спелые, каждое слово звучит почти отдельно — ему так кажется. Тополя шелестят на ветру. Все впереди, все получится. У него еще остались надежды?

Тем не менее, все выглядит так, словно Антону в очередной раз отметили день рождения; Екатерина Дмитриевна постаралась для сына. Сейчас он для нее почти в тех же школьных годах, и он, как никто другой, это понимает. Даже если ее действия непредумышленны и вполне естественны, они порождают невольное сопротивление: Антону не хочется выглядеть смешным. Заботливая и довольная мать все же не упускает случая в конце вечера подчеркнуть направление своего желания: «Юля, не спеши, Антон тебя проводит!» Очевидное оказывается еще и нелепым...

На улице следует продолжение, но не то, которое ожидалось. Антон немного злой, он созрел для решительного объяснения — хватит ходить вокруг да около. Но прежде отличается Юля; она смеется:

— Забавно Екатерина Дмитриевна рассказывала, как завхоз у них в общежитии старые паспорта собирал, чтобы на новые заменить. «Девочки, сдаем паспорта, у кого *простроченные!*»

— Я эту историю про *простроченные* паспорта не первый раз слышу. Она часто ее рассказывает, вспоминая о студенческих годах.

— А я вот первый раз.

— У каждого из нас уже сейчас есть хотя бы одна готовая история, которую он будет постоянно рассказывать. С годами их станет больше. А про волка она тебе раньше не рассказывала?

— Про волка?

— Как волка встретила по дороге в школу. Когда в деревне жили...

— Нет.

— Ну, еще не раз услышишь.

— Надеюсь. Только ты мне не рассказывай за нее.

— Ну что ты, я на это не претендую... А вообще, любопытный вечер нам маман устроила. Не перестаю удивляться ее предприимчивости. Сколько сил и энергии ею тратится! Не ожидал...

— Я тоже не ожидала, — подхватывает Юля и исправляется: — Не ожидала тебя увидеть.

— Вот как?

— Можешь не верить. Екатерина Дмитриевна не сказала, что ты будешь.

— Тогда зачем пришла?

Он остановился — как приятно быть откровенным и говорить то, что думаешь!

— Меня заманили школьными фотографиями, которых у меня нет. Ее ответ прозвучал как шутка.

«А меня и заманивать не надо, — подумал Антон, — со мной гораздо проще».

— Нам надо покончить с этой глупостью, — говорит он серьезно.

— С чем? — не понимает она.

— С планами Екатерины Дмитриевны на наш счет, — с некоторым азартом поясняет он. — Меня это достает, если честно.

Они медленно идут. Юлия озадаченно молчит, а Антон испытывает прилив сил: он входит во вкус сеанса разоблачения.

— Какой смысл себя обманывать? — Он старается быть рассудительным. — Я не знаю, что она там себе придумала, какие завихрения возникли в ее голове, но...

— А у нее разве могут быть какие-то планы?

Выражение лица у Юли не менее серьезное, но еще в нем отражается искреннее недоумение, с которым Антону никак не справиться, — оно внезапно открывает ему несурзность и комичность его положения. Воздушный шарик сдувается прямо на глазах. Уверенность оборачивается чувством неловкости, если не сказать больше. Действительно, что это он себя вдруг выдумал? Досиделся в одиночестве и изолировал себя от здравого смысла.

— Ну, мне так показалось, — замялся он, и тут же пролетело напоминанием для напыщенного болвана: «У нее муж, двое детей, это не мать себе возомнила невесть что, а ты. Что с тобой происходит?». Но у него еще только два слова для оправдания: — Разве нет?

Она рассмеялась, не оставив ему никаких шансов на выздоровление:

— Конечно, нет. С чего бы это?

Время к ночи, уличное освещение неважное, иначе бы она заметила, как он едва не сгорел от стыда.

— У меня многое изменилось в жизни, — признается он.

— Я уже догадалась.

— Как?

— По загару.

— Неужели он меня так выдает?

— Тебя выдают глаза.

— Не знаю, куда их спрятать.

— Это пройдет.

— Извини, если я...

— Пустое... Ну, я пошла?

Теперь ему нравится, что он не приехал к матери на машине и может быть свободным от обязанности отвезти Юлию домой. Ей в одну сторону, ему в другую. И никаких неясностей и лишних ожиданий. Поскорее забыть о своих оплошностях и неудачах. Сейчас он готов встретиться с кем угодно и выяснить отношения до самого дна. Ожидание компенсации. Он поднимает руку и тормозит маршrutку.

Хотя бы этот отрезок невзгод для Кристины закончился благополучно: Андрей нашелся. Он сумел незаметно ускользнуть от похитителя-отца и «злой тети», которую боялся больше всего, потому что принял ее за колдунью. Они, конечно, хватились его, но было поздно, ведь все произошло не случайно, а кстати: почти напротив оказался детский сад Андрея, ему повезло, ребенок это место хорошо знал, и добежать до него ему было несложно. В субботу детский сад закрыт, но дежурство сторожа никто не отменял. Он узнал напуганного ребенка и позвонил воспитательнице, а та уже перезвонила Кристине...

— Ты же мог попасть под машину!

— Там не было машины.

— Ну, конечно. Вылез на проезжую часть...

— Я посмотрел сначала.

— Посмотрел он... Как только додумался, и сил хватило...

— Я сильный!

— Сильный он... Конечно, сильный.

— Они бы меня увидели и поймали.

— Страшная тетьа была?

— Страшная. Она меня тоже хотела заколдовать.

— Какой ты у меня молодец!

Кристина поправила рубашечку на сыне и поцеловала его в лоб.

— Ну, иди к бабушке... Хотя постой — никуда я тебе не отпущу. Мне уже достаточно приключений...

— Как хорошо, что так закончилось! — выдохнула Оля Беседина; ей было приятно от того, что ей не пришлось ни в чем участвовать.

— Ты думаешь, закончилось? — Кристина так не считала, зная характер Зулусова, а еще ее очень интересовала «страшная тетьа-колдунья». Она не могла понять, какую роль он ей навязал в этом деле. Только в одном она не сомневалась: в том, что «страшная тетьа» действительно страшная. — Это только начало. У нас теперь настоящая борьба развернется.

— Да ладно, — отмахнулась Оля. — Укатит со своей певичкой снова в Москву и отвалится. Это он тебя просто напугать решил — показал свою обезьянью сущность самца. Ему это надо для самоутверждения, а сам ребенок ему не нужен.

— Как легко у тебя выходит! Мало ему самоутверждения? Он давно уже утвердился.

— А наказать-то тебя ох как хочется!

В словах Оли определенная правда была. Оставалось только ждать, какой еще номер выкинет Зулусов, прежде чем удовлетворит свое уязвленное мужское самолюбие. И за отцовство еще наглядно постоит — как же без этого?

А пока что в Чертовицком в свои права вступало солнце — по чину лета и общим житейским настроениям. Засверкали и заиграли долгожданным светом крыши домов, небо очистилось до недостижимых, заповедных высот. Веранда походила на смотровую площадку, с которой открывался доверительный вид на запланированное пробуждение природы.

— Летом полегче будет, — неожиданно заявила Оля, и непонятно было, что она имела в виду, если она вообще имела в виду что-то определенное.

— Ничего, еще поживем, — сказала Кристина, пальцем касаясь носа Андрея. — Правда?

Мимо них в дом как раз проходила мать Кристины.

— Ага, на мою пенсию, — хмыкнула она и закрыла за собой дверь.

А в городе прошел бледный, рассеянный дождик — последний перед несколькими неделями пристальной и прилипчивой жары. Антон одумался и пересел с маршрутки на свой «Ниссан». Нечего себя закапывать раньше времени. Надо держать удар, никогда не сдавайся, выше голову, товарищ — какими еще присказками можно вытянуть себя за волосы из заурядного болота? И он поехал разбираться к матери: раньше бы, по несусветной глупости, чтобы упрекнуть ее в сговоре с Юлей, теперь же, чтобы погасить ее поползновения к устройству его личной жизни, которые уже сейчас выглядят так нелепо, а дальше станут еще более нелепы-

ми. Надо же было хотя бы с этой стороны покончить с недомолвками и раз и навсегда отцепить себя и Юлю от ее чрезмерно заботливой опеки!

Он застал ее за стиркой. Она выглянула из ванной и спросила:

— Что ты мне звонил? О чем хотел поговорить?

— Вот так, в коридоре?

— Подожди секунду... Что за срочность такая?

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. Стиральная машина работала в режим полоскания.

— Вот обязательно сегодня, — пробурчала Екатерина Дмитриевна. —

На днях же виделись! Ты же знаешь, стирка у меня дело серьезное. Машина старая, мне ее придерживать надо... С ремонтом связываться бесполезно, а новую кто мне купит?

— Мы как-то об этом уже говорили, — поморщился Антон. — Ты сама не хочешь.

— Здорово живешь! — удивилась она. — Я еще и не хочу!

— Тебе помочь придержать?

— Ни в коем случае! Помощник еще нашелся...

— Ладно, — сказал он, теряя терпение. — Я сейчас о другом...

— Как будто по телефону нельзя было сказать, — промолвила она, не обращая на него внимания. Она прислушивалась к тому, что происходит в ванной. — Подожди-ка... — Исчезла за дверью и через мгновение вышла обратно с полотенцем на плече. — Вот такие проблемы. А ты как думал?

— Мне кажется, это ты не думаешь, что делаешь, — наконец, приступил к разговору Антон. — Зачем ты втягиваешь Юлю в свои планы? С чего это ты вдруг взяла, что мы можем быть вместе? Потому что учились в одной школе? Она замужем, у нее дети... Ты забыла об этом? — «Да я и сам об этом забыл, — снова вспомнил он. — Как дурак». — И потом, я тебя об этом просил? Мама, я прошу тебя, остановись. Это уже не смешно...

— Куда это я ее втягиваю? — вытирая руки, спросила Екатерина Дмитриевна. — Ты, я вижу, меня умалишенной считаешь? Ты лучше мне скажи, с чего это ты взял, что можешь быть с ней? Ты ее достоин? Разве ей нужен такой охладом?

— Я тебя прошу...

— Просит он меня... — Она грозно поглядела на него. — Я всего лишь хотела, чтобы ты очнулся от своей дури и научился жить как люди! Вот для чего она мне нужна! Чтобы ты увидел нормального человека и вспомнил себя!

— Ну да, — усмехнулся Антон, — а я ненормальный.

— Конечно, ненормальный! А что в тебе нормального? С Верой разбежался... Я ей уже и не звоню, она мне тоже. Какой смысл, если ты все разрушил? — Екатерина Дмитриевна стояла перед ним, уперев руки в бока. — Потом нашел себе какую-то...

— Угу, какую-то.

— Хорошо, я ее не знаю... — смягчилась она. — Кристина, так? Ну и что в итоге? Опять, как говорится, в пролете. Опять не та оказалась. Когда, наконец, та будет? Зачем ты девчонке мозги пудрил?

— Это не разговор, — не согласился Антон. — Ты все переводишь...

— Ты деньги впустую переводишь! — прервала его Екатерина Дмитриевна. — Еще осталось хоть что-то? А когда кончатся, что будешь делать? Кому ты будешь нужен, подумал? Или думать уже совсем разучился? Подожди, — запнулась на самом интересном месте. — Ага, отжим пошел... — Она снова скрылась за дверью.

«Ничего я не буду ждать, — расстроено подумал Антон. — Успела мне наговорить... А что я еще от нее «хорошего» услышу? Достаточно и этого. Все выяснил, закрыл тему».

Он включил радио в машине и попал на самую середину исполнения Wonderful life. Почти сразу же выключил — не смог слушать.

«Заиграли» песню.

С Максимом Другановым ничего загадочного не произошло. Не было никакого Урала, и соответственно никаких там дел. Отправился бы он так далеко, вот еще... Он всего-то и съездил что к одному полубабытому другу в деревню для возобновления прерванного общения. Как бы отрешиться от сумрака жизни, нависшего над ним после незабываемого инцидента на поминках. Кому охота светиться побитой мордой и быть подозреваемым в гадком поведении по отношению к Галке Обойдиной, не получая взамен какого-либо сочувствия? Высказанных тогда слов в его адрес заменить было нечем. Оправдываться поздно и не с руки — если только подогреть волну возмущения. Так что при любом раскладе надо было на время исчезнуть. Затаиться — самое верное лекарство, когда сам знаешь, что не прав.

Отсутствовал неделю, восхищаясь природой, рассветами да закатами над рекой. Вникал для вида в особенности обустройства хозяйства, которое требовало смекалки и труда, и ожидаемо оживлялся при потрескивании костра и запахе шашлыков. Ну и куда же тут без водки, без которой Друганов никак и никуда. А потом все эти бессвязные и сбивчивые разговоры про «помнишь, как мы тогда?» и гитарные переборы забывчивыми пальцами, когда-то поклявшимися в верности мальчишеской дворовой дружбе. И щемящий аромат ломкой сирени, и безумный полет майских жуков по вечерам. Так бы еще недельку провести на свежем воздухе, и Максим Друганов запросто обернулся бы неисправимым романтиком и даже безвозвратно укоренился в лирическом настроении, уже не расставаясь с образом душевной, тонко чувствующей натуры. Но, увы, пора было возвращаться к пыльной городской атмосфере, насыщенной еще и такой неистребимой деловитостью, что никаким сантиментам места попросту не оставалось. Позолота «естественного человека», как временное помрачение, с него слезла, и вся эта отшельническая блажь стала ему, как говаривал один сержант в армии, «до далекой звезды».

Первая встреча после отсутствия, и не сразу, а еще через неделю домашнего заточения с пивом и детективным телесериалом, случилась с Пашей Приставкиным. Через него было вернее всего прощупать унавоженную скандалом почву на предмет созревания или угасания интереса к его, Максиму Друганову, персоне. И что-то Максиму подсказывало, должно быть, его личное подсознание, иногда пригодное в быту, что никому до него нет дела.

И теперь они оба стояли у магазина торговой сети, притягивающей покупателей доступными ценами и расположением «у дома», то есть на территории Паши Приставкина. У Максима было сонное, прищуренное выражение лица человека, который таким только прикидывается, потому что вынужден скрываться. Некий синдром Урала, как наказания и ссылки, несомненно, ему сопутствовал. А Паша, с неожиданно опрокинутым лицом, был весь словно задом наперед, и даже непонятно было, какого это рожна у него, театрального деятеля солидного провинциального калибра, такое лицо.

После недавнего обновления ремонта магазина стал походить на укрепленный склад в ожидании штурма — с узкими вертикальными проемами бойниц поверху вместо окон, с мелкой и тяжелой дверкой, выпиленной под обрез роста среднего непривередливого покупателя, согласно замерам дореволюционного 1913 года, дверкой, напоминающей вход в игрушечную нору или в бронированную каморку непонятого назначения.

Вид этого неприступного продуктового бастиона несколько озадачил Пашу. Оказалось, что он давно уже не ходил этой стороной улицы и о случившихся изменениях не знал. И только сейчас он сообразил, как неожиданно изменилась мода: исчезли витрины и окна в магазинах, а на смену им пришли усовершенствованные оборонительными схемами поселковые продмаги или сельмаги былых времен. Максим явно хотел увидеть что-то более достойное для выбора спиртного, но делать было нечего; поблизости, зная этот район, вряд ли можно было найти подходящую точку, и они, преодолев сомнения, протиснулись внутрь. А потом благополучно выбрались из этой кладовки, превращенной в свалку продуктов и бытовой химии, чтобы осесть на Пашиной квартире.

Ирина Приставкина была дома, и не сказать, чтобы она была рада таким гостям. Ей бы хотелось, чтобы ее муж после известных событий поменьше яхшался с Другановым, но у Паши было другое мнение на этот счет. Он вообще был слабохарактерным, но у Паши было другое мнение на этот счет. Он вообще был слабохарактерным, а когда особенно этого не надо было, мог запросто превратиться в размазню, и тогда верти им, как хочешь. И многие, зная за ним такую слабость, этим пользовались. Ну, о чем говорить, если сама Ира как раз и пользовалась в самой большой степени. Теперь же, когда и она косвенным образом запятнала себя в истории с Галкой Обойдиной, ей нежелательны были любые намеки пусть даже на самую мнимую ее причастность. Она, по крайней мере, держала дистанцию в общении с Максимом Другановым. Не надо уже никакого панибратства, достаточно. Кто знает, чего еще от него можно ожидать? И потому в разговоре двух мужчин она не участвовала, оставив им в пользование диван и телевизор. Об остальном они уже позаботились сами.

Паша был поглощен театральным проектом Аркадия Зулусова. Все его помыслы были направлены исключительно в эту сторону, ни о чем другом он и говорить не мог. В его представлении Друганову это должна быть грандиозная постановка, которой еще не бывало на провинциальной сцене. Только Зулусов с его талантом режиссера-ниспровергателя мог справиться с таким объемом материала. Это космос, новая вселенная, открытие которой приведет к взрыву. Разумеется, авангардное и революционное решение, иначе стоило бы огород городить? По словам Паши Приставкина, Зулусов объединил в одном спектакле две пьесы Софокла — «Электру» и «Антигону». Но вся фишка не в этом: Зулусову удалось (а ему это удалось, «я отвечаю») связать древнегреческую трагедию с «Вишневым садом» Чехова! Каково? И это еще не все. В яростном монологе Электры, она же Антигона (вот это выстрел в зрителей и критиков!), есть следующие слова: «Быть или не быть? Тварь я дрожащая или право имею?» Какие темы поднимаются, какие высоты, какая глубина! Есть ли сейчас что-либо подобное в нашем театре? Конечно же, нет. Колоссальная работа, масштаб неизмеримый! Такое по плечу только Аркадию. Естественно, что Паша посвящен во многие детали, но он дал слово держать все в тайне... Там такие будут находки, — закачаешься! Репетиции идут полным ходом, все будет вот-вот готово. Дело в том, что свой замысел

Зулусов вынашивал много лет, и как только ему представилась такая возможность, он с легкостью, на выдохе, как не единожды пережитое, его воплощает.

— Но я тебе и так уже слишком много рассказал, — разволновался от своей откровенности Паша, отставляя в сторону бокал с пивом. — Так, глядишь, все секреты выдам!

— А как же будет называться эта... пьеса или спектакль? — поинтересовался несколько ошарашенный Друганов.

— Ну, нет уж, — заупрямился Паша; он едва не дрожал от возбуждения и желания поделиться своей осведомленностью. — Это тайна из тайн — только перед самой премьерой узнаешь!

Ему надо было как-то унять охвативший его зуд, и потому он принялся рассказывать о том, что Зулусов попутно пишет воспоминания. Ну, как «пишет»? Наговаривает на смартфон в перерывах репетиций.

— Так это что, уже мемуары? — удивился Друганов. — Не рановато ли?

— А почему бы нет? Что-то вроде «линия моей судьбы» или «жизнь моя, судьба моя»... как это там еще называется... популярный, востребованный формат. В издательстве «Державный стяг» предполагается публикация его книги, контракт уже подписан. У них там целая серия выходит... что-то вроде откровений мастеров искусств. И опытом делятся, конечно.

— Во какие дела происходят, — сделав судорожный глоток из бокала с пивом, проговорил Друганов, — пока я на природе в траве валялся... — Он облизал пенный след усов и обтер губы тыльной стороной ладони. — Про название книги уже не спрашиваю.

— Бесполезно, — подтвердил размякший Паша.

Дважды получить в глаз — это не иначе как знак судьбы. Пусть второй раз удар вышел скользким, по очкам, только им и досталось, но он все равно был засчитан. Еще одно покушение на ее личность удалось — Алла Альховская впала в депрессию. В памяти мелькали обрывки разговора, в котором она совершенно напрасно собачилась с Галкой Обойдиной. И тогда ей казалось, что это она от нее получила «привет» на поминках. Заслужила своей нетерпимостью и высокомерием, а еще уверенность в собственных силах. Приходится расплачиваться. Разочарование скрывалось за темными стеклами очков, которые навечно прописались на лице Аллы и никогда с него не снимались. Что же она за ними спрятала? Что в ней осталось? Остались потуги на значительность, сократившиеся до разумных доверительных пределов. Без свидетелей, тет-а-тет. Желание изрекать какие-то необходимые истины по-прежнему шевелилось в тонких бескровных губах. Нос заострился до дерзкого вызова мужскому взгляду. Лоб надежно закрывала челка. Волосы из светлых стали темными и еще удлинились, добавляя черной магии в сложившийся мистический образ. Впрочем, мистика была дешевой, не дороже стоимости проезда в городском транспорте. И совсем перестали бегать глаза в поисках условно подходящей перекладки, на которой можно удобно зависнуть. Да и не было видно этих глаз...

Свежевыкрашенная скамейка в Петровском сквере пахла пушечными ядрами и морским якорем, зацепившимся за погожий летний день. Листва деревьев играла в чехарду, в черное и белое, в чет и нечет, в душевное смятение и абсолютное безразличие. У Аллы Альховской по часам обеденный перерыв, к которому, в отсутствие начальника, можно

было еще, по жаланию, прихватить времени. У Светы, потерявшей звучную фамилию, затянулся жизненный перерыв. Но шла она к месту встречи вполне рабочей походкой, имитирующей вовлеченность в какие-то скрытые дела. Светлая короткая юбка, блузка, все по фигуре, в приложение к целеустремленной, не сомневающейся блондинке, и даже каблочки как-то по-особому задорно цокают.

— Не испачкаемся? — боязливо спросила Света, прежде чем сесть рядом.

— Уже нет, — с печалью в голосе уверила ее Алла. — Пахнет всего лишь путешествием и предстоящим сражением. Газеты у меня для тебя нет. — Она томно курила и словно окутывала свое сознание успокаивающими завитушками дыма.

Свету ее причуды в поведении не трогали, и поэтому она не обратила серьезного внимания на ее слова. Сформировалось общее убеждение, что Алла Альховская как бы немного «тронулась», безобидно и без последствий, с упором на сохранение личного пространства от любого вторжения, с изрядным запасом обостренного восприятия мира. При таких раскладах Игорь Истомина, если и не был отправлен в отставку, то продолжал, по непонятной слабости, существовать при ней в качестве молчаливой, покашливающей тени, соблюдающей отмеренное ей расстояние. Его не терпели, вовсе нет, чего бы ради пошла на такую жертву Алла, — его с исключительным знанием дела не замечали, не отпускала при этом на все четыре стороны, словно данное кому-то в минуту отчаяния слово «всегда быть вместе» ни за что нельзя было нарушить, чтобы не удостоиться еще худшего наказания.

— А у меня для тебя есть новости, — сказала Света.

— Неужели что-то еще происходит? — не меняясь в настроении, спросила Алла. — Сейчас бы кофе бельмонте выпить...

— В чем проблема? Спустимся в «Пассаж» — вот и кофе. Тем более, у тебя перерыв.

— Там такого нет. Это в Испании, — вздохнула Алла. — И надо всего-то капельку бренди...

Ее протрация выглядела не намеренной, с легкой ломкостью в голове, спадающей до хрипотцы, способной насторожить и разрушить всякое искреннее движение ей навстречу. Новости были несвежими, тасовалась одна и та же колода карт: Антон, Зулусов, Кристина, а еще Вера, всякий раз выпадающая отдельно, но, как ни раскладывай, а все равно выходит проигрыш для всех. Это было обсуждение возможных ходов, причем обсуждала одна Света с чудом сохранившейся, хотя и несколько потускневшей восторженностью. Для равновесия этого азарта ей вполне хватало. Возможно, у нее это было одним из способов забыть про себя, растворившись в смаковании чужих ошибок. Антон расстался с Кристиной, Кристина рассталась с Антоном, Зулусов пытался забрать у Кристины ребенка, Кристина вернула его обратно, теперь будут как-то его делить или не будут, Вера безучастна ко всему, замкнулась в своем одиночестве, ее не растормошить, «а ты, конечно, стараешься очень», и вообще, все так запутано, «а ты, конечно, распутаешь, как же без тебя», нет, ну кто бы мог подумать, «а нечего жаловаться на Веру, скажи просто спасибо, самое обыкновенное спасибо, что тебя не отторгают», что развернутся такие события?

— Вот ты меня удивила, — бесцветно сказала Алла. — Вы же две пострадавших от произвола.

— Пострадавших от чего? — не поняла Света.

— Так он и будет крутиться — от одной к другой. Неприкаянный, разочарованный. Я сразу говорила об этом. Его же видно, меня не обманешь. Со мной этот номер у него не прошел.

— Ты об Антоне?

— Нет, — резко ответила Алла. — Видишь вон там собаку? — Она кивнула в сторону фонтана.

— Вижу, и что? Обыкновенная дворняга. Наверное, на водопой пришла.

— А ты знаешь, что в Финляндии нет бездомных собак. Вообще нет. Если вдруг брошенная собака появится на улице, кто-нибудь обязательно позвонит в полицию, чтобы собаку забрали в приют. И если найдут хозяина собаки, а у каждой собаки обязательно должен быть хозяин, то его ждут серьезные неприятности с законом.

Все это Алла Альховская проговорила неспешно, с расстановкой, держа на отлете, двумя утонченными пальцами, тлеющую сигарету. Несколько манерно, конечно, в отрешенном декадансе, пренебрегающем здравым смыслом, но на Свету действовало, и она замолчала, озадаченно поджав губы.

Протянувшееся между ними молчание было совершенно, как яркое отсутствие каких-либо мыслей о том, чего совсем не знаешь, но продлилось оно недолго. Алла щелчком сбила пепел с кончика сигареты и очнулась. Приоткрылась калитка в ее закрытый внутренний мир, и оттуда выглянуло спокойствие вместе с доброжелательностью на особый лад.

— У тебя такие холодные глаза, что можно замерзнуть, — сказала Алла, заставив тем самым Свету повернуть к ней голову; ее предположение оправдалось.

Алла подсунула руку себе под локоть той, в которой держала сигарету, как если бы она и впрямь замерзла.

— Знаешь, — продолжила она с убийственно доверительной интонацией, взятой на тон ниже, — с некоторых пор я стала чувствовать запах лжи... Тебе это интересно?

— Да, — уклончиво ответила Света; она вдруг как-то притихла в ожидании подвоха.

Сигарета бережно дотлела до окурка и отправилась в урну. Алла полезла в сумочку, достала новую сигарету и зажигалку. Однако справиться с ней ей не удалось: холостые чирканья ни к чему не привели.

— Вот так всегда бывает... У тебя нет? — Алла застыла в ожидании с приподнятой рукой.

— Увы.

— Значит, достаточно. — Она вернула сигарету в пачку, закрыла сумку и сложила руки на груди, окончательно приняв расслабленную позу. — Я чувствую, когда запах лжи распространяется вокруг. Я это ощущаю буквально. Ложь ведь тоже пахнет, ты знала об этом?

— Нет.

— Человек пахнет, когда лжет. Это, во-первых. Например, у некоторых африканских племен...

«Во-вторых... — подумала Света. — Напрасно я сюда пришла с чистым сердцем. Вот влипла так влипла... Зачем мне эти перепады настроения?

В-третьих...

ПРЕДЕЛЫ ТЕРПЕНИЯ

Ему оставалось разделаться с арендованной квартирой. Вообще-то, ему много чего еще оставалось сделать, если подумать, но это по степени важности и очередности стояло на первом месте. Можно было, конечно, придаться к словам и спросить: что значит «оставалось»? До чего и для чего? Но это, если подумать, а думать, как это обычно бывает, получается уже после всего.

Мысль была естественной и простой: куда бы съехать? Продолжать, как ни в чем не бывало, жить в Березовой роще Антон не мог. Для него бы это служило каждодневным напоминанием о его поражении. Он в одиночестве переживал свое несовершенство, и теперь для продления душевных терзаний или, наоборот, постепенного их угасания, требовалось другое место. Не к матери же ему соваться, чтобы выслушивать ее тирады о его никчемности и усугублять свое беспросветное положение унижением?

И Антон позвонил Геннадию Семеновичу, чтобы разузнать о возможности своего пребывания на его даче, тем более что такой опыт уже имелся, — всего лишь на летний сезон, до осени, а там, кто знает, что будет...

Геннадий Семенович оказался на работе, что несказанно удивило Антона, который уже и представить себе не мог, что Геннадий Семенович может пойти на какую-нибудь работу, даже вернуться на свой завод. Много слов для объяснений сказать не получилось, ситуация случилась неудобная, — Геннадий Семенович был занят каким-то важным технологическим процессом: в уху Антону что-то злорадно и тревожно шипело, словно именно в эту минуту издыхал легендарный мифический дракон или выпускал пар какой-то неподатливый и неуправляемый механизм, — но его потребность теперь уже бывший сосед Антона мигом сообразил.

— Да живи, ради бога! — прокричал обрадованный Геннадий Семенович. — Топчан у меня есть, так что спать будет где!

— Какой топчан? — удивился Антон; никакого топчана он не припомнил.

— Да шучу я! Нормальная кровать есть, не раскладушка. Забыл?

Конечно, забыл. Обязательно надо было ему это помнить... Тут лето пропало даром.

А между тем происходили события на периферии его внимания и интересов. У Светы словно пелена с глаз спала — и в который уже раз? или никогда прежде не спадала? Ей бы насторожиться в первые же минуты общения с Аллой Альховской, а она была расслабленной и пропустила тот момент, когда можно было дать задний ход. И еще вдобавок получила нечто несуразное: «Видела твоего!» — сказала Алла с каким-то нехорошим, тайным знанием в голосе, как будто уже выставила невысокую оценку и Свете и «ему». «Какого «моего»?» — как бы не понимая, а на самом деле хорошо все понимая, даже слишком хорошо, и от этого заводясь на раздражение, спросила Света. И как она при этом смерила ее, Свету, пристальным взглядом поверх очков, словно ей для этого надо было совершить некоторое утомительное усилие! Что она хотела этим подчеркнуть? Что было в этом взгляде — сожаление, желание унижить или еще что-то?

Для Светы эта встреча с Аллой Альховской была последней — так она решила. И все вдруг обернулось так, как если бы Алла нарушила какое-

то таябу, напомнила Свете о том, о чем она благополучно забыла, а теперь неожиданно растормошила и завела. Всего лишь двумя словами и взглядом вывела Свету из себя!

«Она просто невыносима, — жаловалась Света Ирине Приставкиной. — Все эти ее причуды тяжело терпеть. С ней же невозможно разговаривать! В кого она превратилась? Такое ощущение, что она собирается тебе лекцию прочитать... И не собирается, а уже читает, пока ты считаешь, что происходит! Во время обеденного перерыва, который выходит за пределы... И мне все это слушать: про эти африканские племена непонятные, про какой-то необычный кофе, которого тут никогда в жизни не подадут, про японские чудо-унитазы, которые озадачивают иностранцев, прилетевших в Токио, и про то, что ели Джин Келли или Грейс Келли... Если она еще не сошла с ума, то я сойду точно! Она мне все глаза своими темными очками выела!»

Ира Приставкина и посочувствовала, и согласилась с ней; с ее подачи легкой, безобидной чудинке, минуя затейливые причуды, вынесли безутешный диагноз. Еще один-два подобных случая (Оля Беседина что-то отметила, Паша Приставкин подтвердил), и ее вывели из круга общения, от нее отстранились. А она, казалось, и не обратила внимания на предпринятые против нее санкции, не заметила произошедших перемен; тот же Паша Приставкин, как-то проезжая мимо Петровского сквера, утверждал, что видел там днем, как раз в предполагаемое время обеденного перерыва, Аллу Альховскую, сидящую на скамейке все в той же выразительной и драматичной черной поре, а Ира Приставкина уверяла, что даже издали было видно, что она разговаривает сама с собой, двигая рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

Можно было еще пошутить на тему тем, какие поднимает в этих «беседах» по-тихому эксцентричная Алла, но Свете, например, шутить не захотелось. По инерции причастности постепенно выпал из поля зрения и Игорь Истоин, отношение к которому после «американского следа» осталось двояким. Он и прежде не особо «светился» и не выделялся равноправным соучастием, а теперь и вовсе отодвинулся в сторону. И все же кое-какие слухи о его дальнейшем перемещении по жизни появлялись, — так стало «почти достоверно» известно, что после сокращения на прежнем месте работы, он устроился в курьерскую службу по доставке еды, и не просто мальчиком-велосипедистом, мальчиком-скороходом с зеленым или желтым рюкзаком, а кем-то на должность в руководящем аппарате.

Прежняя компания веселых и ироничных друзей или приятелей (это уж если как и под каким углом выбора посмотреть) с неизбежностью таянья снега весной или исчезновения живительного родника в засуху распадалась. Кризис коснулся всех без исключения. Света избегала встречи с Другановым и Аллой Альховской, Друганов с Олей Бесединой и Егором Коноваловым, Вера избегала Антона и по возможности всех остальных, а Антон больше никого не видел и не знал, как это считается, прячется ли он от кого-то или его отшельничество воспринимается как смиренное покаяние.

Кристина и Аркадий Зулусов непреклонно и неумолимо втягивались в затяжной процесс борьбы за общего ребенка, итог которой было сложно предугадать. Большинство заинтересованных «комментаторов» предполагало, что никакого дележа не будет и кончится все мировой: Кристина перестанет брыкаться, потому как деваться ей все равно некуда, и вернется в дом к Зулусову, который к тому времени натешится и наигра-

ется «в куклы» со сладкоголосо-попсовой Лизой Эль Греко, и та ему, как это обыкновенно случается, просто надоест. Но меньшинство, которое представляла стойкая Оля Беседина, было уверено в обратном и даже при возможном и наверняка обязательном расставании Зулусова с певичкой не предполагало сдачи Кристиной занятых ею твердых и принципиальных позиций. Зло, как говорится, должно быть наказано.

И никто, в общем-то, не поверил в серьезность «рейда» Зулусова в тыл противника, в похищение, если это было похищением, ребенка с последующим вывозом его... куда? Неужели в Москву? Абсурд же. Возможно, эмоциональный срыв, психологическая нелепость, тупое заявление «кто в доме хозяин», поспешная демонстрация силы или акт устрашения — да как угодно, но только не действительное, осмысленное событие с рассчитанным финалом. Когда ему заниматься воспитанием ребенка? «Кукла» его эта, певунья Лиза, что ли, возьмет на себя такие обязанности? Ну не смешно ли?! Зулусову есть чем заниматься, он целиком погружен в проект, на который «поставлено очень много», по словам Паши Приставкина. Зулусов планомерно, с исполнением графика и даже опережением его, занимался репетициями своего театрального детища. Какой же тут может быть для него в этот момент Андрей или Андрейка? Он за кулисами, что ли, будет бегать, услаждая топотом беспokoйных ножек слух отца-творца?

Наступил июль, стало совсем тепло и даже жарко, как и положено в это время года, и в первые же выходные, как договаривались, Антон Лепетов отправился, что называется, на «новые квартиры» — к Геннадию Семеновичу, на Ближние сады. В качестве гостинца, чтобы заявиться не с пустыми руками, загрузил в свой «Ниссан Теану» черешню, клубнику, кое-что еще по необходимой съедобной мелочи, а также несколько банок пива, бутылку красного вина на всякий случай и, как самую необходимую вещь, две бутылки водки, — вроде бы еще как взнос добросердечному хозяину за совместное проживание.

— Все, окончательно съехал с квартиры, — объявил Антон. — Вот весь мой нехитрый скарб, мои скромные пожитки. Пальто с собой не взял, потому что надеюсь на лучшее.

— Ну, ты молодец! — развел руками Геннадий Семенович. — Пальто мог бы и взять, вдруг пригодится. Клубника у меня своя имеется. А вот за водку спасибо! Хотя у нас тут магазин на остановке есть, продукты привозят...

— С машиной как? Тут останется?

— А что с ней случится? У ворот будет стоять, ничего с ней не делается. У нас тут спокойно. Я боюсь, у меня кролики для нее не потеснятся. Давай-ка свой товар...

За воротами предстала знакомая картина, но теперь в более живописном исполнении, с густой зеленой действующими плодовыми деревьями и тихой дремучестью кустарников, с распутившимися глазастыми цветами, повеселевшими и заигравшимися на солнце гномами, лягушками и прочими декоративными черепахами. Воздух, настоящий на запахах неведомых трав (про кроликов упоминать не будем), сдержанно гудел. Дом все той же громадой старого книжного шкафа, подъеденного многолетними трудолюбивыми жуками, притаился в спасительной тени.

— Вот честно, как приятно! — не сдержался Антон. — У тебя тут просто рай земной! И бабочки со стрекозами летают!

— И самолеты летают. Все, как и было. Главное, я на месте! — засмеялся Геннадий Семенович. — А ты куда-то пропал...

— Да не пропал я... И как можно пропасть в такой красоте!

Антон отвечал своим мыслям. Он уже поверил в то, что именно здесь рассеются все тучи его настроения, и он испытает нечто вроде преобразования, обретет спокойствие. Он был похож на ребенка, который недовольство собой обращает в нанесенные ему обиды и сразу же забывает о них и перестает дуться, едва его помянут каким-либо зрелищем или отвлекут игрошкой.

Он поделился с Геннадием Семеновичем своими переживаниями, и тот пришел в восторг, не разобравшись сразу в одном важном пункте.

— Вот за это я хочу выпить — за твою смелость! — гордо провозгласил он, сворачивая голову водочной бутылке. — Я бы на такое никогда не решился — куда мне! Не то, что ты! — Он внимательно осмотрел Антона, словно оценивая его возможности, о которых он прежде в нем не подозревал. — Расстался с женой и нашел себе помоложе... Я бы тоже с Ритой давно расстался, но попробуй на такое пойти! — Он как бы убеждал себя и заодно оправдывался. — Я вот тут ее не вижу, и мне уже хорошо. Мне этого достаточно. И ей, наверное, тоже, раз меня терпит! А чтобы новую себе завести... — Он махнул рукой, схватил стопку и залпом ее опрокинул; горько скривился. — Это надо уже отвагу иметь!

— Да погоди ты — какая отвага... — пытался остановить его Антон. — Ты меня не понял.

— Как же не понял? Еще как понял! Ты чего не пьешь?

— Сейчас... — Антон застыл с рюмкой в поднятой руке. — Не гони так... Я ведь с ней расстался, ты меня не понял.

— Как расстался? — захрустев свежим лучком и редиской, удивился Геннадий Семенович. — Почему?

— Если бы я знал «почему»... Так получилось.

— Ну, ты даешь... А зачем тогда затевал все это?

— Хороший вопрос. А на все ли вопросы мы можем ответить?

— Нет, погоди... — Геннадий Семенович следом хлобыстнул еще стопку, чтобы поставить все точки над «и». — Я же не устраиваю таких историй? А если бы устраивал, то точно бы понимал, для чего я это делаю. Это же не на раз все было, так?

— Не на раз, — убежденно ответил Антон и тоже выпил. — А получилось, что на раз.

— Ты же не коллекционер? Что-то я не замечал в тебе этого... Хотя откуда я тебя знал раньше...

«Да ты и сейчас меня не знаешь, — подумал Антон, — если я сам себя не знаю, а только начинаю совершать открытия».

— Мне вообще вся эта возня с бабами по фигу, — признался Геннадий Семенович. — Это я тебе так — между нами... Рита не Рита, какая-нибудь еще «кумпарсита» — какая мне разница? Итог-то все равно один будет!.. Она ведь точно так же думает, я уверен, иначе бы давно уже разбежались, только ради чего?

— Я не спорю, — скромно заметил Антон.

— И я не спорю, — согласился с ним Геннадий Семенович. — Зачем нам спорить? Я так понял, ты раны ко мне приехал зализывать... Ты не обижайся, я ничего плохого не имею в виду.

— Мне еще и обижаться... На что?

— Нам только на себя обижаться, — после третьей стопки сообщил потяжелевший Геннадий Семенович. — А на кого еще?

«Ну, вот он и объединил меня с собой, — почти расстроился Антон. — И стали мы совсем родственные души».

— Ерунда это все... — отказался от своих слов Геннадий Семенович. — Лучше пойдем, я тебе вишню покажу. У меня тут много чего интересного есть.

Интересной была и вишня, и ягоды на ней, а еще смородиновые кусты и новый навес над блестящей красной, словно пластмассовой, кирпичной кладкой, отгораживающей во дворе место для дружеских посиделок.

Антон вдруг заметил, что хозяйственный Геннадий Семенович стал походить на своего более чем интересного соседа, пенсионера-индиго. У него появились те же нотки в голосе, в обиход затесались похожие словечки, так что в какие-то моменты он превращался в его младшего брата, а за счет обстоятельных движений, прибавлявших ему возраста, он и вовсе принимал вид символического, обобщенного Вомбатова-Вьюжина, живущего практически через забор еще одной, параллельной жизнью. Геннадий Семенович как будто его тут замещал на время, сам, впрочем, не догадываясь об этом, но, несомненно, подготавливая его появление.

Однако пресловутый и вычурный Вомбатов-Вьюжин, он же просто Владимир Петрович, в этот день на даче Геннадия Семеновича так и не показался. Геннадий Семенович к вечеру совсем размагнитился и как-то сразу погрузнел, теряя облик подтянутого соседского двойника, не поддавшегося годам. Но даже и в этом случае в нем осталось что-то положительное и человеческое. По-любому, если сравнивать, он был лучше Антона, который в несчастливую минуту запомнил себя кабаном-паразитом и теперь никак не мог стереть из своей памяти этот злосчастный образ самодовольства и разрушения.

Геннадий Семенович определил Антону кровать, на которой он будет спать, и завалился у себя уже беспробудно, до утра. Ритмический храп хозяина дома, отважно (вот тут она и проявилась) осваивающего внутренние просторы сна, Антону нисколько не мешал. Работала отлаженная бытом бесперебойная машина жизни на отдыхе — только и всего. Редкий комариный писк доказывал возможность той же активной и осмысленной жизни в темноте и не особо-то досаждал. Усталость стягивала тело, а душа рвалась куда-то в сонном, спутанном сознании, чтобы еще раз объяснить свои прошлые заблуждения и заслужить прощение, но эта безнадежная борьба оборачивалась обыкновенной бессонницей, вызванной, хотя и внезапным, но вполне заурядным беспокойством из-за привычки ночевать дома.

Со сном у Антона как-то не ладилось, и он тихо выбрался на веранду, окунувшись в освежающую прохладу ночи. Где-то в непроглядной растительной темноте, окованной еще и железом предметов, неутомимый сверчок пел свою непритязательную песню. В этом однообразном успокаивающем звуке было столько надежды, сколько ее никогда не будет ни в каких подтвержденных заверениях или обещаниях, ни в каких фантастических суммах денег или профессиональных достижениях. Невидимый сверчок был той самой уверенностью в завтрашнем дне. Он работал над тем, чтобы все в мире содержалось в порядке. Он его неусыпно охранял, держал платформу, на которой вообще все строится и становится возможным: отношения, здания, работа, любовь, путешествия, книги и многое-многое другое, самое привычное и обязательное. Он никому ничего не

обещает, ничего не требует, не ждет вознаграждения, не поддается, у него не получится обмануть, и его никто не обманет, он не испытает разочарования... Кардинал ночи, он всегда в стороне, всего лишь песчинкой мироздания зацепился за невидимую струну и неотрывно звучит, но без него, без этой малой песчинки, чего-то не будет хватать.

Ему отвечает небо — зеркалом заснувшей земли, глубиной продолжения без конца, помеченной геометрическими зигзагами звезд. Антон поднял голову: вот она, бездонная панорама покоя, далекого, мерцающего холода, удобного для обзора именно за городом. И никакой вздох тебе не поможет и не спасет. Все тревоги блекнут и отступают перед этим совершенством вечности. Мириады бестрепетных миров, сопровождаемые земной песней сверчка, проваливаются в величественную и сверкающую пустоту, переворачиваются и расширяются за все мыслимые пределы, чтобы вызвать у тебя страх и восторг.

Ночные вершины неба, столицы неназванных миров кружили Антону голову. И нельзя было понять, то ли все эти неизвестные и необозримые миры ополчились против него, то ли взирали на него бесстрастно, позволяя ему сделать выбор в пользу сочувствия. Каким вдруг все оказалось мелким, необязательным и не заслуживающим внимания! Сколько ошибок, поспешных и необдуманных решений! Заблуждения и поступки слабого человека, слабого перед этим ночным бездонным провалом в царство бесконечности. Там, наверху, величие непознаваемого содержания, здесь, внизу, незащищенная внутренняя пустота.

И все эти мысли вместе со знакомыми именами пролетели в его «ночной» голове, и она была «ночной», потому что есть еще голова «дневная», самая главная, не для одиночества, а для связи с людьми. И где-то через час, — ровно столько заняло его посвящение в человека новых знаний, — насытившись пьянящим воздухом бесконечности, он все же заснул.

После завтрака, состоявшего из яичницы с беконом, сыра, помидоров, огурцов и чая с кексом, Геннадия Семеновича и Антона навестил пенсионер-индиго.

— Я еще вчера шум машины услышал, сразу же понял — у нашего Геннадия гости. А какого рода гости, выяснять не стал, отложил на завтра. Уж больно книгу интересную читал, не хотелось отвлекаться, — объяснился Владимир Петрович.

— Надо же, а мы вчера ждали... А что за книга-то? — спросил Геннадий Семенович.

— Такая книга, что не для тебя. Много ты в жизни книг прочитал? Зачем тебе это? О книгах я с умным человеком поговорю, не с тобой, — твердо сказал Владимир Петрович, и было понятно, к кому относятся его последние слова.

— Если по философии, то... — было затянул Геннадий Семенович, но Владимир Петрович его оборвал:

— Ты, я вижу, другими делами занимаешься... — И, оглядев небранный со вчерашнего вечера стол на веранде, добавил: — В бутылбол играешь? Как прошла тренировка? Удачно? — При этом он неожиданно подмигнул Антону.

— Это была легкая разминка, — ответил он за Геннадия Семеновича, после прошедшей ночи почувствовав себя отдохнувшим и свободным.

— Вы уж, смотрите, без перебора, пожалуйста, оставайтесь в разуме и приглядывайте за своим товарищем, — посоветовал ему Владимир Петрович. — Он у нас натура увлекающаяся, причем увлекающаяся не тем,

чем надо. Хотя вы это и без меня знаете, правда? А вот скажите, вы же заметили, как из мелкого шалопаю наш Геннадий Семенович превращается в личность? И главное, что происходит это буквально на глазах, постепенно, неделя за неделей?

— Да, заметил, — улыбнулся Антон. — Как не заметить! Это просто бросается в глаза — результат фантастический!

— Хотя, в сущности, — продолжил Владимир Петрович, — он остается все тем же бытовым паразитом (Антон внутренне поежился) без внутренней установки и моральных обязательств.

— Ну, это ты хватил, Петрович! — не согласился Геннадий Семенович. — Только что говорил, как бы нам не перебрать, а сам перебрал!

— Ты не спешి меня упрекать, — мягко пожурил его пенсионер-индиго. — Я ведь еще не договорил... — И он снова обратился к Антону. — Но у Геныча случаются проблески ума и даже милосердия, а это уже большая ценность в нынешних обстоятельствах...

А для Антона обстоятельства складывались так, что ему несложно было поддерживать этот ироничный треп, потому что он, как ему казалось, избавился от своих трудностей, едва только очутившись в хорошо знакомой ему атмосфере, к тому же и ночь повлияла на него благотворно. У пенсионера-индиго блестели глаза живым, неподдельным интересом, у Геннадия Семеновича глаза блестели участвием, а вся его ставшая вдруг складной фигура приспособилась под очертания своего умудренного житейским опытом наставника, чтобы совпасть с ним даже в оборотах речи, манере ходить и поворотах головы. Сходство было наглядно замечательным, почти как у отца с сыном, еще немного, какого-нибудь ловкого эффекта искусственного старения, и невозможно будет отличить прототип от оригинала.

Но вся эта идиллия продолжалась до определенного момента, в отсутствие личной истории Антона Лепетова в этом дружеском подтрунивании и легковесных пикировках. Слово за слово, разговор расширился, вбирая в себя прошедшие месяцы, и закономерным образом через нездешний греческий загар вышли на него, страдалца, с последствиями, так что вытянули из него все без остатка: для Геннадия Семеновича повторным, не потерявшим жгучего интереса, пересказом, а для Владимира Петровича действительной новостью, да еще и в стиле «как гром среди ясного неба». Антон в прежние приезды на дачу в отношении пенсионера-индиго был все же немногословен и даже завинчен до упора своей сдержанностью, а теперь сам с охотой развинтился до откровенных признаний.

— Что я могу сказать, — после непродолжительного молчания, после того как закончилась исповедь Антона, сообщил Владимир Петрович. — Чего-то подобного я ожидал. Может, только разница в деталях, а так... Я чувствовал в вас эту затаенность. Было видно — что-то в вас сидит такое, что не отпускает.

— Еще бы! — не удержался от замечания Геннадий Семенович.

— И не отпустит еще долго, — втянулся в размышления Владимир Петрович. — Будете только понапрасну себя терзать и мучить, и не только себя.

— Я просто стараюсь не думать об этом, — сказал Антон.

— Ничего не получится.

— Вы так считаете?

— Покуда никакого решения не принято, все так и будет тянуться. Я же говорю: не только себя...

— Но за себя-то я отвечаю!

— Не надо себя обманывать: вы и за них отвечаете, а без них вы ни за что не отвечаете, тем более сейчас...

— Ну да, все на мне сошлось и остановилось, во мне одном причина! — раздраженно бросил Антон.

— Кажется, мы говорим о разных вещах, — спокойно пояснил Владимир Петрович. — Или вы меня не слышите, или я так непонятно говорю. Или что-то вы до конца не договариваете. Оттого и непонимание.

— А тут и понимать нечего! Это моя жизнь, а не ваша — вот в чем дело...

— Тоже верно, но не совсем. Со стороны-то виднее. Я же не внутри вашей истории нахожусь. Я беспристрастен. Легко вот так все поломать, а дом есть дом, семья...

— Понятно, дальше я уже знаю, что услышу! — неожиданно вспыхнул Антон; обстоятельный пенсионер-индигго со своей стариковской логикой и судейскими манерами стал его бесить. Наверное, не этого он от него ожидал, но тогда чего? Он и сам не знал, а потому злился еще и на себя.

— А может, и не услышите.

— Спасибо, мне хватило! — Антон встал, резко отодвинув стул, и с церемонным сарказмом поклонился.

— Ну что же, — поднялся тогда из-за стола Иван Петрович. — Не хочу оказывать никакого давления и давать глупых советов...

— Да, нам умных вполне хватает! — никак не успокаивался Антон. — С ними бы как разобраться!

Тут и Геннадий Семенович вскочил:

— Антон, ну что ты, в самом деле? Ерунда какая-то...

— Нет, Гена, это не ерунда, — веско заявил обиженный пенсионер-индигго. — У твоего товарища какие-то странные понятия об отношениях между людьми, и слишком играет в нем его «я». Оно в нем выросло до непомерных размеров...

— Как бы мне не лопнуть! — усмехнулся Антон.

— Я тоже ошибаюсь, но не настолько, — расстроено-дрожащим голосом сказал Владимир Петрович. — Всего вам хорошего!

И он их покинул.

— Да подождите! — крикнул ему в спину Геннадий Семенович, но все было впустую, напрасно: жалостливо скрипнула калитка, отмечая еще и свой немалый срок службы, стихли шаги за забором.

— Я вообще ничего не понял! — развел руками ошарашенный Геннадий Семенович. — Что случилось-то? Кто тебя укусил? — Антон молчал. — Прямо на ровном месте, а? Ведь из ничего же скандал соорудил! — досадовал и сокрушался Геннадий Семенович. — Ну, скажи, к чему?

Антон молчал.

И на следующий день он так и не смог ничего объяснить. У него не было внятных слов. Понятно, что сорвался, и ничего хорошего в этом нет. Размышлять о причинах не получалось, причиной был он сам — ему же прямо сказали об этом. Конечно, глупо получилось, но что уж теперь... Антон маялся. Геннадий Семенович переживал, что Владимир Петрович и на него тоже обиделся. Но он не мог себе представить, насколько. Со скорбными губами и виновато сморщенным лбом, Геннадий Семенович направился к соседу, чтобы просить прощения за своего гостя и за себя,

как недомотрешего за порядком хозяина, на ком вина тогда больше, но в доме никого не обнаружил. Дом был наглухо закрыт, окна занавешены. Даже и стучать не пришлось — так плотно все выглядело и непробиваемо. Мелькнула, правда, у Геннадия Семеновича одна дурная (вот не иначе!) мысль, но и она исчезла, когда знакомая женщина у магазина на автобусной остановке сказала, что видела Владимира Петровича буквально утром, на велосипеде, который он не так давно приобрел и совершал на нем прогулки по окрестностям. Они поздоровались, и он покатил дальше. Выглядел обыкновенно, ничего странного в нем она не заметила. Спортивный такой мужчина, несмотря на возраст, прямо позавидуешь.

Значит, можно было успокоиться — отчасти, конечно. Как-то еще раз Геннадий Семенович к нему сунулся и снова не застал дома. По некоторым признакам можно было определить, что Владимир Петрович по-прежнему существует и даже ведет активную жизнь — например, ведро, оставленное в саду под деревьями, или лестница, прислоненная к стене дома.

Сам Владимир Петрович к ним не заходил и не искал их, очевидно, тем самым выражая степень нанесенной ему обиды или, того хуже, оскорбления, однако Геннадий Семенович уже через неделю уgomонился на этот счет и даже наоборот, сам стал в некую позу разочарованного и обиженного: к тебе, мол, со всем сердцем, чтобы повиниться, а ты из себя невесть кого разыгрываешь при всем уважении... Захочешь — придешь, без проблем, а не придешь — ну, как знаешь... Антону с этим вопросом разобраться было еще проще — уже через два дня с него сошла вся скорбь по поводу своего несдержанного поведения.

И сразу как-то наладилось настроение у обоих. Два друга-товарища проводили время исключительно весело. В наступившей беззаботности открылись все преимущества лета: благоприятная, устойчивая погода, слепой дождик два раза только брызнул, протянув по небу радугу, и не так чтобы жарко, высокое солнце день за днем одерживает ослепительные победы, но тень спасает, выручает холодное пиво, день долгий, как изнурительный марафон, ночь короткая, вся пришедшая из космоса, вина можно и днем, в обед, употребить, водку же только вечером, к ночи...

Стали вечерами погромче включать музыку — из тех, возможно, соображений, чтобы показать свою удаль и жизнестойкость упрямому и обособившемуся Владимиру Петровичу, до которого все звуки, издаваемые их стороной, несомненно, долетали. И сами пытались петь песни, сбивчиво, во хмелю, для прикола, вспоминая забытые слова или даже те слова, которых никогда не знали. Городили кто куда, без разбору. И тогда Геннадий Семенович, расщедрившийся до задушевности, как бы освобождался от влияния и гнета обиженного пенсионера-индиго и, утративший весь рисунок его священных движений, вдруг рассказывал Антону о том, как здорово тут в мае пели соловьи, какие трели раздавались на всю округу.

И Антон ничего не знал о том, что происходит за пределами этой небольшой вселенной, ограниченной дачным кооперативом. Не знал, что в одну из ночей всего в каких-то десяти километрах отсюда Максим Друганов повздорил с кем-то на парковке рядом с домом, не поделив место для машины. Произошла драка, и он серьезно пострадал, оставшись с разбитым носом, порванным пиджаком и боковым зеркалом заднего вида от своего же автомобиля в руке. И, стало быть, его несчастья продолжались. Зато у Светы наметились изменения к лучшему. Она устроилась в другую

рекламную компанию, в которой были хорошо осведомлены о том, кем она приходилась Максиму Друганову. И она уже успела там, широко распахнув глаза, несколько раз восхищенно произнести: «Какие люди!» И произвести самое благоприятное впечатление на всех, так что один из руководителей отделов обратил на нее внимание и пригласил вечером в кафе.

А Егор Коновалов продолжал «зажигать» танцпол в ночном клубе, ритмично покачивая головой, и Оля Беседина уже подумывала о том, что после свадьбы ему надо бы заняться другим, более подходящим делом. Игорь Истомин сидел ночью за компьютером, перелопачивая многочисленные предложения работы в поисках подходящего предложения, не думая, что он остановился на том, что есть. Алла Альховская, поджав плечи, сидела на балконе, с изяществом утомленной леди курила и просто смотрела куда-то вниз или вперед, на застывшую перед ее немигающим взглядом ночную картину города.

Аркадий Зулусов растягивал репетиции в театре до самого позднего часа, он работал как одержимый и тем самым спровоцировал отъезд Лизы Эль Греко, конечно же, на какое-то время, в Москву, потому как она явно испытывала недостаток внимания к себе. Паша Приставкин все больше наполнялся каким-то непомерным ликованием по поводу будущего спектакля Зулусова, как будто он уже почти готов и вот-вот будет сдан под ключ, и словно таким образом реализуются собственные Пашины амбиции, которые он до сих пор скрывал ото всех, а вот сейчас у него засвербело, он в предвкушении успеха, и очень ему хотелось поделиться хоть с кем-нибудь тем, как будет решена финальная сцена зулусовского творения, когда сошедшая с ума Антигона, она же Электра, на могиле брата под траурную музыку сажает вишневые косточки... Зулусов отчаянно полемизировал с «Вишневым садом» и выражал высокую чеховскую тоску по утраченному прекрасному, утверждал Паша, но Ира Приставкина только отмахивалась от его восхищенных рассказов о ходе репетиций и удобно засыпала перед экраном телевизора за просмотром детективного сериала.

Тянуло в сон и Кристину: она долго не могла уложить спать Андрея, а теперь читала ему сказку, и ей самой хотелось попасть в эту сказку о прекрасном, благородном принце и остаться там навсегда. Спала и Вера — сном праведника, без темных и светлых оттенков, без печали и памяти о дневном азарте, потому что все в ее теперешней жизни протекало ровно и даже, наверное, скучновато, потому что у нее было дежурство в поликлинике и она просто устала...

Так проходила неделя за неделей. Веселье Геннадия Семеновича и Антона постепенно скатилось к самой заурядной пьянке, но только они, конечно же, этого не осознавали. Впереди вырисовывался неизбежный тупик, но об этом знал только один человек, который во все эти дни не терял их из виду. Он наблюдал за ними — проезжая мимо на велосипеде и по привычке поворачивая голову в сторону ворот, находя для случайного и незаметного взгляда точку для просмотра поверх ограды или забора, слушая разгульные и разухабистые звуки, доносившиеся до окон его дома с неконтролируемой территории.

Все это время, оставаясь невидимым, Владимир Петрович наблюдал за тем, как они опускаются, и все чаще он приходил к мысли, что такое пустое и безобразное времяпрепровождение не может не закончиться падением. И наконец, после очередного буйства, у него созрело решение.

Он ведь знал, где живет Геннадий Семенович. Тот оставлял ему свой домашний адрес на всякий случай. Антон был соседом Геннадия Семеновича по лестничной площадке. Из последнего состоявшегося разговора, когда Антон разоткровенничался насчет обстоятельств своей жизни, несложно было сообразить, что он в прежней квартире, рядом с Геннадием Семеновичем, давно не жил, но там продолжала жить его жена, которую звали Верой. Это и Геннадий Семенович подтверждал, отлучавшийся домой. И даже если ему самому лично Вера ни разу не повстречалась во время этих отлучек, то о том, что она никуда не делась, ему говорила его жена Рита.

«Лопнуло мое терпение». Наверное, такие слова подошли бы к внешнему виду Владимира Петровича — молчаливому и несколько угрюмому. В один из дней, а точнее в субботу, чтобы уже наверняка, если не брать непредвиденных ситуаций, он сел на свой велосипед и отправился в город. Владимир Петрович так рассчитал, чтобы успеть ему обратно до темноты. Погода благоприятствовала его путешествию, расстояние в одну сторону, опять же не более восьми километров, препятствием не являлось. До нужного дома добрался без происшествий. Подъезд вычислил по номеру квартиры. Как раз парень с девушкой входили, он за ними следом. Четвертый этаж по лестнице, Геннадий Семенович прямо по ней и скачивался, выходя из квартиры. Значит, направо, дверь рядом.

Владимир Петрович собрался с духом и нажал на кнопку звонка. А вдруг ее нет дома? Что тогда делать?

Вера только что закончила говорить по телефону с Лидой Камнепад, которая сама не унывала и заботилась о том, чтобы не унывала ее подруга. И вдруг звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Вера никого не ждала. Звонок повторился, и она подошла, чтобы открыть.

На пороге стоял незнакомый мужчина — не сказать, чтобы очень старый, но и не молодой. И все же в годах, сохранившийся, без излишеств. Лицо пожившего человека, суровое, но с искренним желанием выглядеть приветливым.

— Вы меня извините, я сюда попал? Вы Вера?

— Да, Вера, — недоуменно протянула она. — А что такое?

— Разрешите?

Она отступила назад, и он шагнул в квартиру. Летняя кепка в руках, сам в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, коричневые брюки. Слесарь? Слесаря она не вызывала.

— А собственно, вы по какому поводу?

— Я по серьезному поводу. Я знакомый Гены, вашего соседа.

— А-а, вот в чем дело... Так вы ошиблись дверью, он рядом живет.

— Нет, я не к нему. Вы меня не так поняли.

— К Рите, что ли? — Вера действительно ничего не понимала. — С Генной опять какая-то история? С ним что-то случилось?

— Нет, не с ним. — Незнакомец взмахнул кепкой. — Хотя и с ним тоже.

Он повернулся, чтобы закрыть позади себя дверь.

— Вы что? — удивилась Вера.

— Я к вам по поводу спасения вашего заблудшего мужа.

— Кого?!

— Антон у Геныча на даче сейчас... Выпивают. Сейчас уже квасят по серьезному, вы уж извините, — принялся сбивчиво объяснять незваный гость. — Ситуация выходит из-под контроля, уже вышла... В общем, надо спасать.

— Простите, а мне-то какое дело? — не могла отойти от изумления Вера; этот человек стал ее раздражать.

— Нет, это вы меня извините, — вдруг спохватился он, досадливо по-морщившись. — Я же вам не представился. Владимир Петрович, сосед по даче вашего соседа.

— Замечательно! А теперь выйдите, пожалуйста.

— Так сразу и «выйдите», не разобравшись. — У него сделалось обиженное лицо. — Не верю я, что вам нет никакого дела до Антона.

— Вы вообще кто, сосед? — резко спросила Вера.

— Я? Я — пенсионер.

— Все понятно. — Просто больной какой-то, решила она, ему заняться нечем. — Прощу! — Она указала ему на дверь.

— Никуда я не пойду! — неожиданно заупрямился он. — Я вижу, разговор нам предстоит долгий, а потому у меня, прежде всего, один вопрос имеется...

— Что?!

— Да не волнуйтесь вы так, ради бога... Я всего лишь узнать хотел, как тут у вас во дворе, не разбойничают? Дело в том, что я велосипед, на котором к вам приехал, внизу оставил. Не с велосипедом же к вам в квартиру подниматься?

Это просто безумие какое-то, настоящее безумие! Вера замерла, не в силах произнести ни слова.

— Ну, ладно, это к разговору не имеет никакого отношения... Я ведь за них переживаю, вы поверьте. Ладно, Геньч непутевый, но Антон...

Вера закрыла глаза и еще хотела закрыть уши.

— Если вы немедленно не уберетесь, я вызову мили... полицию! — сказала она твердо и спокойно. По крайней мере, ей так казалось, потому что представившийся Владимиром Петровичем человек вдруг сжался.

— Зачем кричать? Какая полиция? Разве я вам угрожаю?.. Смешно же, вы не находите? — И наскоро, но внятно заговорил, словно опасаясь, что не успеет сказать главного. — Антон все осознал и понял. Он мучается от своего несовершенства. Наделал ошибок, а теперь мучается. Впал в уныние, на самом деле, хотя хорохорится. А пьет от того, что стыдно ему. Вроде как веселится, чтобы не заплакать. Сидит на даче и ждет прощения. Приехал, что называется, впереди ведь тупик. Спасать его надо.

— Да какое мне до него дело? — не сдержалась Вера. — Кто он мне? Ему на меня наплевать было, а теперь я его спасать должна! Как можно вернуть то, чего уже нет? Нет совсем, вы это понимаете? И кто ему теперь мозги вправит?

— Мы и вправим, — убежденно заявил Владимир Петрович. — Совместными усилиями.

— Вот и вправляйте там — без меня! И зачем вы лезете? Вас кто-то просил?

— Никто меня не просил. Но спокойно смотреть на то, как пропадает человек, я не могу.

— Нет, это просто невероятно! — нервно засмеялась Вера. — Приходит какой-то пенсионер, начинает меня убеждать в чем-то, рассказывает про моего бывшего мужа...

— Почему же «бывшего»? — прервал ее Владимир Петрович. — Никакой он не «бывший». Никто его не отменял. Муж есть муж. Семья это семья...

— Да, приходит вот так, ниоткуда, и изрекает банальности, а я дол-

жна все это слушать... — Она подняла руки и приложила ладони к щекам. — Абсурд, полный абсурд!

— Давайте обойдемся без глупостей, — терпеливо сказал Владимир Петрович. — Он вас ждет и просит прощения.

— Какая чушь! — возмутилась Вера. — Так ему надо мое прощение? Вы это сейчас придумали?

— Сколько он там еще будет выкаблучивать... — как бы не обращая внимания на ее слова, продолжал он. — Так и до худого дойти может. А вы ему нужны, я в этом убедился.

— Нет, я, конечно, врач, — убеждала себя Вера, находясь на грани истерики, — но случай уникальный, такое не лечится!..

— Пропадает человек, — твердил свое Владимир Петрович.

— Это уже просто за гранью!

— Ну, что мне силком вас туда тащить? — тяжело спросил он.

— Вы вообще в своем уме? — опешила Вера; она попыталась рассмотреть его лицо, чтобы определить степень его здоровой наглости или заболевания. — Вы думаете, если вы старше меня, то можете себе позволить говорить все, что вам вздумается?

— Надо уметь прощать, — отвечая скорее не ей, а себе, сказал Владимир Петрович. — Непонятно, почему два не чужих друг другу человека не могут снова встать рядом и взятыя за руки, ведь это так просто, — вздохнул он. — Вот у меня была жена, и всякое у нас было, а теперь уже несколько лет ее нет рядом со мной. Но я все равно ее чувствую, никуда она от меня не ушла и в земле не спряталась... У вас еще есть время, но его осталось совсем мало... Я понимаю, это сопротивление из гордости, это я понимаю. — Он натянул кепку на голову примерочным стариковским жестом. — Извините, если был груб с вами. — И как-то скособочено подался к выходу. — Мне еще назад ехать...

Она замерла, ничего не отвечая и не веря в то, что он уходит. Она почти сдалась — он увидел это.

Вера пребывала в замешательстве. Явился совершенно незнакомый человек, наговорил непонятных вещей и внезапно лишил ее покоя. Как такое вообще возможно? А если бы меня не было дома? Он бы меня потом все равно достал и напелел бы своих небылиц. Что ему от меня было надо? Чтобы я поехала спасать Антона? Какая нелепость! От кого? От него самого? Муж и жена — вот еще придумал... Это когда было? Уже, кажется, давным-давно. И главное, друга себе нашел подходящего — непутевого Гену. Это уж правда — удивил! Когда жил с ним рядом, если только двумя-тремя словами за год обменяется, а теперь, оказывается, они друзья! Ну да, Рита что-то такое говорила, а я мимо ушей пропустила. А теперь мне об этом надо думать — вот как! Приехал какой-то пенсионер на велосипеде и подтвердил: да, действительно, друзья. Ну и что? Мне-то что до всего этого?!

Она убеждала себя в своей правоте, спорила с собой и опровергала все слова недавнего визитера. В том, что это была глупость несусветная, она не сомневалась. Тоже, наверное, друг. Старший брат. Остался один, делать нечего, а тут двое придурков подвернулись. На троих им неплохо соображать. «Человек пропадает...» Туда ему и дорога! Нагадят вот такие «человеки» в душу, а потом прощения просят. Да и кто сказал, что он прощения просит? Дедушка этот? А можно ли верить его словам?

Вера набрала воды в чайник и поставила на плиту. Открыла холодильник, закрыла... Что я хотела? Надо было что-то делать, чтобы успокоить-

ся. Вытащила чайный пакетик из коробки. До чего договорился: любит меня и ждет. Ага, пусть подождет. Снова открыла холодильник — хотела ведь разморозить курицу. Нет, потом. Прямо непоправимое там случится, только я могу отвлечь беду. Это у них там беда, у меня никакой беда нет. Апельсиновые дольки — вполне. Нет, какая наглость, вот так вот заявиться и требовать от меня участия?

Горячий чай обжигал небо, она словно куда-то торопилась. Куда? Надо взять себя в руки. Мне бы сразу его надо было выпереть из квартиры, а я слушала зачем-то весь этот бред. Когда научусь? Да никогда, наверное. «Надо уметь прощать», — сказал так сказал. Да хоть что бы там с ним ни произошло — упился, убили, — а я-то тут при чем? Не ко мне надо обращаться. Неужели больше не к кому?

Так прошел еще час бесплодных размышлений. Никакого переворота в голове не случилось, а сидела заноза в сердце. Стало как-то нехорошо, потому что вспомнилось сразу многое — плохое, постыдное, — и нахлынуло безудержным потоком. «А меня кто спасет?» И Вера позвонила Лиде Камнепад, с которой она сегодня уже говорила.

Лида была женщиной рассудительной, потому что со стороны рассуждать всегда легче. Она удивилась Верину рассказу, и как тут было не удивляться. Она так и не поняла, откуда взялся этот странный гость, пенсионер-доброхот, а Вера и сама ничего определенного не могла ей подсказать, кроме того, что Антон сидит на соседской даче и пропадает там от тоски и одиночества, но самое-то главное, что, по словам Владимира Петровича (вот и вспомнила, как его зовут), Антон во всем раскаялся, просит прощения и хочет вернуться домой.

— Ну, и хрен с ним, — простодушно выразилась Лида Камнепад. — Пусть возвращается — кто ему мешает?

— Куда? — не поняла ее Вера.

— Домой. Он же домой хочет вернуться, так?

— Подожди, ко мне домой?..

— А чего ждать? Пусть едет, если хочет. Чего он ждет, нюни распустил, несчастный малыш? — рассмеялась Лида. — Хочет, чтобы ты его домой к себе привезла и в постельку спать уложила?

Вера от нее так ничего и не добила. Хотела получить совет, а услышала в ответ какие-то смешки. Наверное, сама эта ситуация Лиде представлялась до невозможности смешной из-за ее нелепости. То они расстались, то Антон хочет соединиться (и хочет ли, на самом деле?), нужен он, не нужен — Лиде эта возня порядком надоела. Она была уверена, что все это давно уже закончилось, а тут вдруг продолжение...

Вера почему-то ожидала, что Лида начнет возмущаться и выражаться в таком духе, что «гони его в шею, кому он нужен?!», но этого, к ее удивлению, не произошло. Сами, мол, решайте, а меня увольте: толку, что я тебе скажу, я ведь тебе уже сколько раз говорила, ты же все равно по-своему сделаешь? И она совсем растерялась.

Долго не могла заснуть, ворочалась. Надо принять решение, сделать выбор. Надо бы поинтересоваться, так ли все на самом деле? А зачем ей надо этим интересоваться? Да я и точно не знаю, где эта дача, только приблизительно, и адреса он настоящего не оставил, это мне теперь у Риты спрашивать, где ее муженек отсиживается летом? Это вообще как — мне на поклон к ней идти?!

А утром, невыспавшаяся, раздраженная и заведенная на бесконечное отрицание, она вышла в магазин, чтобы купить кофе, который у нее как

назло закончился. И увидела прямо у подъезда такси и Риту, которая уже собралась садиться в машину...

— Ты куда? — осмелилась на вопрос Вера, вместо того, чтобы незамеченной пройти мимо, и раньше, вне всякого сомнения, она бы так и поступила.

— На дачу, сегодня воскресенье, хочу своего Геннадия Семеновича проведать, а то вдруг он там совсем от рук отобьется, — ответила Рита, и вышло это у нее как-то легко, как само собой разумеется, и даже шутливо, с иронией, которая из имени, из сочетания «Геннадий Семенович» производила устойчивое выражение для удобного пользования в быту.

— А ты давно у него была? — поинтересовалась Вера.

— В июне как-то, а в августе еще ни разу. Он же приезжает сюда в рабочие дни, не все же ему...

«Ну, вот и выход из положения, — подумала Вера, уже не слушая Риту дальше. — Если им сейчас не воспользоваться, то когда еще? Как будто специально дедушка-пенсионер подстроил...»

— Ну, так мы едем? — выглянул из машины таксист.

— А можно я с тобой? — решила наконец Вера.

— Давай, — несколько удивилась Рита, но вопросов задавать не стала.

Доехали быстро. По пути Вера видела раздавленную на дороге кошку, пожарную машину с включенной сиреной, на круге, перед поворотом на Острожскую, аварию, правда, без жертв. «Прямо какие-то знаки мне», — подумала она. Ей хотелось спать, болела голова из-за бессонной ночи, и в какой-то момент ей даже показалось, что она на короткий миг все же заснула. Но возбуждение брало верх, и она встряхнулась. «Зачем я поехала? Что меня ждет?» — гадала она. Она и верила, и не верила. И ругала себя.

— Приехали, — сказала Рита. — Можно выходить.

Вера из машины не видела дома, только массивные ворота и нависающие вокруг деревья. Ночью прошел небольшой дождь — лужа блестела под солнцем. За кустами раздалось треньканье велосипедного звонка, скрипнула педаль или колесо.

— Что ты? — Рита уже расплатилась с водителем, вышла и снова открыла дверь, наклонилась. — Приехали.

— Да, — очнулась Вера, — сейчас.

Рита уверенно открыла калитку. Вера ничего не знала про кроликов, и запах ей показался невыносимым.

— Сейчас пройдем, — засмеялась Рита.

Они пошли по дорожке к дому и в стороне от него, справа, услышали возгласы и звук мяча, звонко ударяемого о стену. Еще через мгновение стало понятно, что там происходит. Геннадий Семенович и Антон играли в футбол — примерно так это можно было назвать. Рита не ожидала здесь увидеть Антона. Антон встал перед красной кирпичной стеной, немного наклонившись вперед и растопырив в стороны руки, а Геннадий Семенович изготовился, чтобы пробить пенальти. Удар — и мяч точно попадает Антону в лоб. Антон, вслепую взмахнув руками, падает. Рита вскрикнула, а Вера, словно кто ее толкнул, подбежала к месту происшествия.

— Ты идиот, что ли! — вместо приветствия укоряет Геннадия Семеновича Рита, а он оправдывается:

— Я что, нарочно? Случайность...

Подходит и Рита. От Геннадия Семеновича тянет стойким запахом спиртного.

— Надо же, прямо в лоб мне закатал, — говорит удивленный Антон, приподнявшись на локте и встряхнув головой.

Он видит Веру и удивляется еще больше. Она присела перед ним, положила руку на лоб.

— Больно?

— Нет, просто неожиданно как-то...

Он и отвечает так, что неожиданностью для него становится ее появление. На Геннадия Семеновича приезд Риты и Веры тоже производит впечатление. Он начинает заикаться и бормотать что-то нечленораздельное, чтобы услышать от Риты знакомое и неприятное ему слово «нажрался», а Вера узнает в лежащем на траве Антоне того самого Антона, которого знала раньше, хотя он выглядит значительно хуже — обросший и небритый, от него тоже исходит кислый алкогольный запах, и какая-то грязная красная футболка на нем висит, пропахшая потом. И вот это «красное на красном», отличимое в оттенках живого и неживого, а еще его опухшее лицо говорят ей о том, какие расстояния их разделяли, а теперь они рядом, и надо еще что-то говорить, чтобы это расстояние сократить...

— А у тебя волосы седые появились, — сказала она и мысленно провела по ним рукой; у него был испуганный вид, словно она застучала его за чем-то нехорошим, и он почему-то продолжал лежать, упершись локтем в землю. — Я к Вадиму хочу в гости съездить, он звонил мне, — неловко добавила она.

А он машинально ей ответил:

— А мне не звонил.

И он сразу вспомнил, что у него есть сын, а еще у него было многое другое и, может быть, что-то еще осталось, потому что он вспомнил, как первый раз увидел Веру. Это было в автобусе, осенью. У нее на выходе защемило плащ дверью, и Антон, когда автобус тронулся, свистнул водителю и помог ей освободиться. И теперь черты лица той девушки проступили в лице Веры, склонившейся над ним.

Антон поднялся, выпрямился и стал виновато отряхиваться. А потом они посмотрели друг другу в глаза, и Антон опустил голову.

— Мне Егор Коновалов звонил, — стараясь обрести уверенность, сказала Вера.

— Сам Егор Коновалов? — Антон хотел изобразить удивление, но это у него не получилось.

— Да, сам Егор. Приглашал на свадьбу.

— Оля Беседина?

— Да. В сентябре.

— Ну что же... Остается только поздравить их.

— Ты пойдешь?..

Геннадий Семенович и Рита о чем-то отчаянно спорили, занимаясь самым привычным для них делом, и это получалось у них лучше, чем у Антона и Веры. Антон пожал плечами. И все голоса, что толпились вокруг него и были еще слышны, отступили назад, смешались в неразборчивые звуки и наконец исчезли, чтобы дать ему свободу быть собой, без советов и понуканий...